

Дарина Григорова
Татьяна Романовна Виноградова
Великие люди, изменившие мир
Серия «Изменившие мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10984812
Великие люди, изменившие мир / Татьяна Виноградова, Дарина Григорова: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091167-7

Аннотация

Эта книга о людях, которые изменили мир и оставили свой след навеки!

Мужчины, которые вершили историю! Умные, великие, мудрые, сильные и гениальные! Мужчины, сделавшие невероятные научные открытия, благодаря которым мы знаем, как устроен мир!

Как часто вы слышите, что женщины по сравнению с мужчинами ничто? Что женщин нет в науке, войне и медицине? Как часто вы встречаетесь с изречениями, что женщинам нет места в политике? Частенько? Но не забывайте: за каждым великим мужчиной стоит великая женщина!

Это потрясающая книга, которая окунет вас в мир прекрасного, изысканного и невероятно мудрого!

Содержание

Женщины, изменившие мир	5
Княгиня Ольга – первая правительница Киевской Руси	5
Царица Грузии Тамара	11
Жанна Д'Арк – святая воительница	16
Изабелла Кастильская – первая королева Испании	20
Роксолана	25
Екатерина Медичи	30
Елизавета Английская	37
Маркиза де Помпадур – фаворитка на все времена	44
Екатерина Великая – настоящая императрица	52
Флоренс Найтингейл – первая медицинская сестра	58
Мария Кюри – подвижница от науки	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Татьяна Виноградова, Дарина Григорова

Великие люди, изменившие мир

© ООО «Издательство АСТ», 2015

© ООО «Издательство «Виват», 2015

* * *

Женщины, изменившие мир

Княгиня Ольга – первая правительница Киевской Руси

Легендами овеян образ княгини киевской Ольги, но ее деятельность действительно оставила заметный след в восточнославянской истории X века. Древние летописцы, несомненно, симпатизировали княгине – жене Игоря и регенту в пору несовершеннолетия их сына Святослава. Они часто описывали ее как красивую, энергичную, хитрую и прежде всего – мудрую правительницу, подчеркивали ее «мужской ум». Хвалы, которые щедро возносили Ольге монахи-летописцы, отчасти можно объяснить тем, что это именно она проложила путь христианству на земли Киевской Руси. Но даже без этого аспекта своей деятельности Ольга осталась бы в мировой истории выдающейся правительницей.

Летописи не указывают год рождения Ольги, однако поздняя Степенная книга сообщает, что скончалась она в возрасте около 80 лет, что относит дату ее рождения к концу IX века, то есть приблизительно к 890 году.

Согласно «Повести временных лет», Ольга была родом из Пскова. Житие святой великой княгини Ольги уточняет, что родилась она в деревне Выбуты Псковской земли, в 12 км от Пскова выше по реке Великой. Имена родителей Ольги не сохранились, по Житию они были незнатного рода, «от языка варяжска». По мнению норманистов, варяжское происхождение подтверждается ее именем, имеющим соответствие с древнескандинавским – Хельга. Типографская летопись (конец XV века) и более поздний Пискаревский летописец передают слух, будто Ольга была дочерью Вещего Олега, который правил Киевской Русью как опекун малолетнего Игоря, сына Рюрика, Олег же женился на Игоря и Ольгу. Так называемая Иоакимовская летопись, достоверность которой ставится историками под сомнение, сообщает о знатном славянском происхождении Ольги: «Когда Игорь возмужал, оженил его Олег, выдал за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, которая Прекраса звалась, а Олег переименовал ее и нарек в свое имя Ольга. Были у Игоря потом другие жены, но Ольгу из-за мудрости ее более других чтит».

Знатного рода была Ольга или простого, но первая встреча ее с Игорем состоялась рядом с селом Выбуты, вверх по реке Великой. Молодой князь охотился «в области Псковской» и, желая перебраться через реку Великую, увидел «некоего плывущего в лодке» и подозвал его к берегу. Отплыв от берега в лодке, князь обнаружил, что его везет девушка удивительной красоты. Времена были простые, и князь, возжелав приглянувшуюся девушку, не ожидал отказа, а может, ждал, что его даже поблагодарят за оказанную честь. Но Ольга была не такова. Уразумев помыслы Игоря, начавшего приставать к ней, она дала достойную отповедь: «Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? Пусть я молода и незнатна, и одна здесь, но знай: лучше для меня броситься в реку, чем стерпеть поругание». Она устыдила Игоря, напомнив ему о княжеском достоинстве правителя и судии, который должен быть «светлым примером добрых дел» для своих подданных. Сейчас бы сказали – «заговорила зубы». Игорь усомнился, но не затаил обиды, напротив, – разумная и полная достоинства девушка крепко запала ему в душу. Он расстался с ней, храня в памяти ее слова и прекрасный образ. Когда же пришло время выбирать невесту и в Киев собрали самых красивых девушек княжества, ни одна из них не пришлась ему по сердцу. Тогда он вспомнил «дивную в девицах» Ольгу и послал за ней. Так Ольга стала женой князя Игоря, великой русской княгиней.

Князь Игорь часто ходил в походы: покорил древлян, уличей, другие восточнославянские племена, отделившиеся от Киева в начале его княжения, заключил мирное соглаше-

ние с печенегами, которые появились тогда в южнорусских степях. А в крепких ручках молодой жены оказалось все княжеское хозяйство. Палаты княгини на берегу Днепра прозвали Ольгиным городком, и потихоньку сюда из киевского Игорева двора переместился центр государственной жизни Древней Руси. Муж большую часть времени проводил в походах, а Ольга досконально разбиралась в политических интригах, принимала послов, крепко держала в кулаке всех недовольных и даже военных мужей. Игорь был совсем не против. Так они и жили счастливо, разделив «сферы ответственности»: война – дело мужнино, а внутренней жизнью княжества ведала Ольга.

В 943 году Игорь собрал новое войско из варягов, руси, славян (поляне, ильменские словене, кривичи и тиверцы) и печенегов и двинулся на Византию конницей по суше, а большую часть войска отправил по морю. Предупрежденный заранее византийский император Роман I Лакапин выслал послов с богатыми дарами навстречу Игорю, уже достигшему Дуная. Одновременно Роман передал дары печенегам. После совета с дружиной Игорь, удовлетворенный данью, повернул назад. В следующем году Игорь заключил военно-торговый договор с Византией. В договоре упоминаются имена Игоря, его жены княгини Ольги и сына Святослава.

Вскоре после того, как был заключен мир с Византией, осенью 945 года Игорь по требованию дружины, недовольной своим содержанием, отправился за данью к древлянам. Древляне не числились в составе войска, участвовавшего в византийских походах. Возможно, поэтому Игорь решил поправить положение за их счет. Игорь произвольно увеличил величину дани прежних лет, а на пути домой принял неожиданное решение: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит!». Восставшие древляне убили Игоря и двинулись на Киев. Боясь мести за убийство киевского князя, древляне отправили послов к княгине Ольге, предлагая ей вступить в брак со своим правителем Малом.

Наследнику престола Святославу тогда было только 3 года, поэтому фактическим правителем Киевской Руси в 945 году стала Ольга. Дружина Игоря подчинилась ей, признав Ольгу представителем законного наследника престола. Решительный образ действий княгини в отношении древлян также мог склонить дружинников в ее пользу. Летописец подробно описывает месть Ольги за смерть мужа.

1-я месть

Сватов, 20 древлян, что прибыли на ладье, киевляне отнесли вместе с судном и бросили в глубокую яму во дворе близ терема Ольги. Сватов-послов закопали живьем вместе с ладьей. «И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их...»

2-я месть

Ольга попросила прислать к ней новых послов из лучших мужей, что и было с охотой исполнено древлянами. Посольство из знатных древлян сожгли в бане, пока те мылись, готовясь к встрече с княгиней.

Сватовство князя Мала к Ольге, по мнению исследователей, отражало пережитки матриархата, архаизм во взглядах древлян. Действия Ольги – захоронение сватов в лодке, приказ вытопить баню для послов – приметы погребального обряда глубокой древности и связаны с кровной местью за убитого мужа.

3-я месть

Княгиня с небольшой дружиной приехала в земли древлян, чтобы по обычаю справить тризну на могиле мужа. Напоив допьяна во время тризны древлян, Ольга велела рубить их. Летопись сообщает о пяти тысячах перебитых древлян.

4-я месть

В следующем году княгиня собрала войско, взяла с собой малолетнего сына Святослава, воеводу Свенельда и двинулась в древлянскую землю, чтобы окончательно «примучить», то есть покорить древлян и обложить их тяжелой данью. Битва была выиграна, но враги бежали и заперлись в городе. Осада длилась целый год, пока Ольга не предложила древлянам откупиться малой данью – от двора по три голубя и по три воробья. Каждой из птиц Ольга велела привязать трут с огнем и почти в сумерках отпустить на волю. Птицы полетели в свои гнезда, и Искоростень вспыхнул со всех сторон одновременно. Люди пытались выбраться из города, но воины Ольги ловили их... Так Ольга взяла город хитростью, старейшин его сожгла, а остальных жителей заставила платить тяжелую дань. Две трети ее получил Киев, а треть – Вышгород, который был Ольгиным городом.

После расправы с древлянами Ольга стала править Киевской Русью до совершеннолетия Святослава (хотя и после этого она оставалась фактическим правителем, так как ее сын большую часть времени отсутствовал в военных походах). Показав сразу, что сила на ее стороне, вместе с тем Ольга понимала, что необходимо изменить произвольный и беспорядочный способ сбора дани, который привел к смерти Игоря.

Она ввела первые в Киевской Руси «реформы», четко разделив земли на «тиуны», с которых через определенные промежутки времени должно было собираться некоторое количество дани. Княгиня одновременно следила за тем, чтобы подчиненные не лишались средств к существованию и, следовательно, могли платить дань. Закрепив за княжеской казной исключительные права на богатые пушным зверем земли, она таким образом обеспечила себя постоянным доходом. Чтобы лучше знать свои необозримые владения, Ольга часто путешествовала. Она установила систему «погостов» – центров торговли и обмена, в которых более упорядоченно происходил сбор податей.

Также княгиня Ольга положила начало каменному градостроительству на Руси – первыми каменными зданиями Киева стали городской дворец и загородный терем Ольги. Со вниманием относилась она и к благоустройству подвластных Киеву земель – новгородских, псковских, расположенных вдоль реки Десна и прочих.

Житие так повествует о трудах Ольги: «И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна, своими же людьми любима – как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обижающий, налагающий наказание с милосердием и награждающий добрых; она внушала всем злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков, но во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость».

Княгиня определила не только внутренние, областные, но и внешние границы государства. При ее правлении были организованы воспетые в былинах богатырские заставы. Чужеземцы называли Русь «Гардарики», то есть «страной городов», скандинавы и германцы охотно шли служить в русское войско. Именно при Ольге Русь стала настоящей державой.

Сосредоточенная на правлении Ольга вела воздержанную и целомудренную жизнь, во второй раз замуж не вышла. Делиться властью она не хотела, а сердца ее никто так и не затронул. Она пребывала во вдовстве, берегла княжескую власть до взросления своего сына. Когда же последний возмужал, она передала ему дела, а сама, отдалившись от светских хлопот, сосредоточилась на духовном. Языческие боги не могли дать Ольгиной душе нужного,

зато заповеди Христовы очищали сердце, давали успокоение. Эта женщина столько лет была жесткой и даже жестокой, что нуждалась в милосердии и прощении.

Однако и в вопросах веры Ольга в первую очередь была княгиней. И веру свою считала делом не только личным, но и, так сказать, внешнеполитическим. Поэтому, поручив Киев подростшему сыну, отправилась с большим флотом в Константинополь. Древнерусские летописцы назовут это деяние Ольги «хождением», потому что оно соединяло в себе и религиозное паломничество, и дипломатическую миссию, и демонстрацию военного могущества Руси. «Ольга захотела сама сходить к грекам, чтобы своими глазами посмотреть на службу христианскую и вполне убедиться в их учении об истинном Боге», – повествует Житие святой Ольги. По свидетельству летописи, в Константинополе Ольга принимает окончательное решение стать христианкой.

Таинство крещения совершил над ней патриарх Константинопольский Феофилакт, а восприемником от купели был император Константин Багрянородный. Говорят, русская княгиня восхитила императора своим умом и красотой, и тот предложил ей «руку и сердце». Согласно летописи, Ольга укоряла императора: как, мол, можно думать о браке до крещения, а вот после крещения – посмотрим. И просила императора быть ее восприемником – крестным отцом. Когда же после крещения император возвратился к своему брачному предложению, Ольга напомнила ему, что брака между «кумовьями» быть не может. И восхищенный ее умом и находчивостью император отступился.

В описании этого эпизода есть историческая основа, но наверняка есть и вымысел. На троне Византийской империи тогда действительно находился Константин Порфирогенет («Багрянородный»). Это был человек более чем незаурядного ума, прожженный политик и удачливый государь. Вряд ли бы он настолько эмоционально решал матримониальные вопросы, от которых зависела расстановка сил в международной политике. И это еще не учитывая того обстоятельства, что княгине на тот момент было никак не меньше 50 лет. Но «брачное предложение», скорее всего, действительно было. И цель его, вероятно, была в духе знаменитого византийского коварства, а не простодушного восхищения «варваркой» – княгиней далекой и дикой Руси в восприятии утонченного византийца.

Это был способ проверить намерения княгини: если бы она отказалась, то нанесла бы оскорбление императору, а если бы согласилась, то ее скорее всего обвинили бы в корыстолюбии и высмеяли: мол, не по чину императору Византийскому с варяжской княгиней венчаться.

Но Ольга была не только мудра, но и находчива. Благодаря своему ответу она сразу получила искомое – крещение в православную веру. Ее ответ – это ответ и политика, и христианки: «За честь породниться с великим Македонским (так называлась правившая тогда династия. – ред.) императорским домом благодарю. Давай, император, породнимся. Но родство наше будет не по плоти, а духовное. Будь моим восприемником, крестным отцом!»

Патриарх благословил новокрещеную русскую княгиню крестом, вырезанным из цельного куска животворящего древа Господня. На кресте была надпись: «Обновися Русская земля Святым Крестом, его же приняла Ольга, благоверная княгиня».

В Киев Ольга вернулась с иконами и богослужебными книгами – так началось ее апостольское служение. Она воздвигла храм во имя святителя Николая над могилой Аскольда – первого киевского князя-христианина, а многих киевлян обратила ко Христу. С проповедью веры отправилась княгиня на север. В киевских и псковских землях, в отдаленных весях, на перекрестках дорог воздвигала она кресты, уничтожая языческих идолов.

Святая Ольга положила начало особенного почитания на Руси Пресвятой Троицы. Из века в век передавалось повествование о видении, которое было ей около реки Великой, неподалеку от родного села. Она увидела, что с востока сходят с неба «три пресветлых луча». На этом месте Ольга воздвигла крест и основала храм во имя Святой Троицы. Он стал глав-

ным собором Пскова – славного града русского, именовавшегося с тех пор «Домом Святой Троицы». Тайнственными путями духовного преемства через четыре столетия это почитание передано было преподобному Сергию Радонежскому.

Среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые были недовольны действиями Ольги. Ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подрастающего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять христианство. Да, обратить в веру посторонних людей оказалось куда легче, чем повлиять на собственного сына. Внешне он был почитателен, выслушивал рассказы о великолепии Царьграда, о мудрости и праведности патриарха, но подобные «бабские» вещи его мало интересовали.

Святослав был в первую очередь воином, достойным последователем Перуна. Собственная дружина его не поняла бы, решись он проповедовать врагам учение Христа вместо доброй сечи. Поэтому уклонялся Святослав и от брака с византийской царевной, не хотел с христианами связываться.

В «Повести временных лет» так говорится об этом: «Жила Ольга с сыном своим Святославом, и уговаривала его мать креститься, но пренебрегал он этим и уши затыкал; однако если кто хотел креститься, не возбранял тому, не издевался над ним... Ольга часто говорила: «Сын мой, я познала Бога и радуюсь; вот и ты, если познаешь, тоже начнешь радоваться». Он же, не слушая сего, говорил: «Как я могу захотеть один веру переменить? Мои дружинники этому смеяться будут!»

Кроме того, он препятствовал ее попыткам утверждения христианства на Руси. Среди торжества язычества ей, когда-то всеми почитаемой владычице державы, крестившейся от Вселенского патриарха в столице православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать вспышки антихристианских настроений. Мать и сын любили друг друга – она по-прежнему была опорой Святослава в делах государственных.

Князь же расширял границы Руси и усиливал ее влияние в мире: разгромил Хазарский каганат, сокрушил Волжскую Болгарию, взял 80 городов по Дунаю. В своих мечтах он видел великую державу – от Дуная до Волги. Ольга переживала за сына: ну как ему объяснить, что считаться с великой империей ромеев необходимо, что будущее за единой верой, за христианством!

В последние годы жизни Ольга нашла утешение и радость в воспитании внуков, особенно любимого Владимира, которого обратила в христианство. В 968 году Киев осадили печенеги. Княгиня с внуками, среди которых был и Владимир, оказались в смертельной опасности. Когда весть об осаде достигла Святослава, он поспешил на помощь, и печенеги были обращены в бегство. Ольга, будучи уже тяжело больной, просила сына не уезжать до ее кончины.

11 июля 969 года княгиня Ольга скончалась, «и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки, и все люди». Святослав оставался у постели умирающей и похоронил ее по христианскому обычаю, как она и просила.

Дело великой княгини не пропало даром – любимый внук завершил его, крестив Русь. Он же перенес ее мощи в Десятинную церковь в Киеве. Рассказывают, что над гробницей святой Ольги было окно. Те, кто приходил с верой в сердце, видели в оконце ее мощи, а некоторым даже виделось сияние над ними, ну а маловерующие могли разглядеть только закрытый гроб.

Канонизировали Ольгу в 1547 году на соборе, который подтвердил повсеместное почитание ее на Руси еще в домонгольскую эпоху.

Христианское имя святой Ольги – Елена (в переводе с древнегреческого – «факел»), оно хорошо отражает жар ее духа. Языческое имя Ольги соответствует мужскому Хельги, что означает «святой». Хотя языческое понимание святости отличается от христианского,

оно все же предполагает в человеке особый духовный настрой, ум и прозорливость. Раскрывая духовное значение этого имени, народ назвал Олега Вещим, а Ольгу – Мудрой.

Святая Ольга – женщина, сочетавшая мудрость и огонь, который не угас во всей тысячелетней истории христианской Руси. Ее помнят до сих пор и будут славить еще века.

Царица Грузии Тамара

Каждому из нас знакомо имя царицы Тамары. Наверное, если бы в Грузии провели социологический опрос, чтобы выяснить, кого жители этой страны считают самой великой женщиной, она, несомненно, была бы первой в списке. Но что на самом деле мы знаем о царице Тамар? Кроме безумного количества замков, мостов и дорог, постройку которых приписывают ей, кроме невнятных легенд о сокровищах в ее гробнице? Пыль истории знатно осела на исторических источниках, но все же яркий образ царицы Тамары заслуживает самого пристального изучения.

Тамара (Тамар) родилась в 1166 году и происходила из династии Багратионов. Ее родители – царь Грузии Георгий III и его жена Бурдухан, дочь осетинского царя Худана. Современные поэты восхваляли ее ум и красоту. Ее называли не царицей, а царем, «сосудом мудрости», «солнцем улыбающимся», «тростником стройным», «лицом лучезарным», прославляли ее кротость, трудолюбие, послушание, религиозность, чарующую красоту. О ее совершенствах ходили легенды, дошедшие в устной передаче до наших времен. Ее руки искали византийские царевицы, султан алеппский, шах персидский. Все царствование Тамары окружено поэтическим ореолом. Время ее правления называют «золотым веком» Грузии.

Но начиналось все совсем не безоблачно. Дедушка будущей царицы Дмитрий Багратион имел двоих сыновей – младшего Георгия и старшего Давида, которому он по традиции передал власть. Однако молодой король недолго занимал престол – всего через полгода он погиб при сомнительных обстоятельствах. Преемником последнего грузинского царя стал его малолетний сын Деметре (Дмитрий или Демна), опекать которого, конечно, взялся дядюшка Георгий. Георгий III был царем, так сказать, военной направленности. Он старательно раздвигал границы государства, а целью его было покорить Армению. Царь неоднократно занимал город Ани и древнюю столицу Армении Двин, хотя окончательное их присоединение к Грузинскому царству произошло при его дочери – царице Тамар. Георгий был сильным царем, и он намеревался оставаться им как можно дольше.

Разумеется, такое положение вещей никак не могло устраивать законного наследника Дмитрия. В 1177 году против Георгия III вспыхнуло восстание. Царевич Демна решился всерьез побороться за царский престол и в этом его поддерживал тесть – амирспасалар (главнокомандующий войсками) Грузии Иоанэ Орбели. К восставшим примкнула большая часть феодалов из восточной и южной Грузии, недовольная усилением царской власти. Несмотря на то, что в руках восставших была сосредоточена большая военная сила (около 30 тысяч человек), они колебались, надеясь на поддержку извне, зная решительность и удачливость Георгия в военном деле. К тому же они никак не могли договориться, кто, собственно, главный в этом походе. Они даже разослали послов к мусульманским правителям и ждали от них помощи. Между тем Георгий взял инициативу в свои руки и атаковал восставших. При первом же столкновении ряды мятежников дрогнули, между ними произошел раскол, в результате чего часть их перешла на сторону царя. Царевич Демна и Иоанэ Орбели заперлись в армянской крепости Лори. Царь осадил крепость, после чего восставшие были вынуждены сдаться царю. Георгий не стал церемониться: царевич Демна и Иоанэ Орбели были казнены. По другой версии, царевича «всего лишь» ослепили и изгнали из страны. Как бы то ни было, на политической арене он больше не появлялся.

Тамара, по-видимому, появилась на свет незадолго до этого дележа власти. По версиям исследователей того периода истории, она родилась между 1164 и 1169 годом. Девочка рано осталась без матери, а отец, занятый в первую очередь делами военными, поручил Тамару ее наставнице Русудан. Эта дама окутана просто-таки мистическим ореолом, поэтому пере-

числять все варианты того, кем она может быть, и предположения, откуда она приехала, можно долго. Наиболее вероятной кажется версия, что она происходит из осетинской ветви Багратионов, то есть является дальней родственницей Георгия. Но одно известно точно – женщиной она была незаурядной и оказала сильное влияние на юную Тамару, сумев выпестовать из нее не просто женщину, а прежде всего царицу. Во многом благодаря ей девушка получила прекрасное образование и волею судьбы проявить свои способности ей пришлось в довольно юном возрасте.

После мятежа принца Демны и клана Орбелиани обстановка в стране была нестабильной. У Георгия III не было сыновей, и после его смерти на престол должна была вступить Тамара. Чтобы избежать трудностей, царь Георгий решил возвести дочь на трон еще при своей жизни. В 1178 году в Уплисхихе он венчал ее на царство в качестве своей соправительницы. В том же году по инициативе Георгия III и Тамар было созвано собрание, на котором приняли решение о введении высшей меры наказания для воров и бандитов. Была создана специальная служба «искателей воров». Проведенные мероприятия не преминули сказаться: число грабежей и воровства резко сократилось. Удивительно, что царь, прежде думавший только о военных походах, занялся этим несомненно важным, но далеким от битв делом. Скорее можно предположить, что это первые инициативы Тамары на государственном поприще, пусть и воплощенные ее отцом.

Царь скончался в 1184 году, оставив дочери в наследство не только страну, но и напряженные отношения с духовенством. Еще при Георгии дворяне-азнаури, имевшие значительную власть в делах церковных, потребовали восстановления иммунитета церкви, то есть освобождения церковного имущества от обложения государственными налогами. Царь был вынужден удовлетворить их требование, потому что ему совсем не нужны были внутренние склоки, но тем самым он усилил позиции духовенства. При жизни Георгия сановники дарбази (так называлось собрание высшей духовной и светской знати, которое представляло своего рода парламент древней Грузии), охотно соглашались, что женщина может править страной. «Исчадие льва одинаково, будь то самец или самка», – лгисто говорили они властителю, но когда Тамара осталась одна, тут же попытались вырвать у нее побольше власти.

Георгий оказался прозорлив: после его смерти вокруг трона развернулась нешуточная борьба. Но стараниями приверженцев Тамар, и в первую очередь ее наставницы Русудан, молодая царица заняла предназначенное ей место. В тот день ей не исполнилось и двадцати. Перемену в людях Тамара ощутила сразу. Не успела она достойно оплакать отца, как в ее дворец явились представители дарбази и нижайше попросили принять власть из их рук, точно она ее не имела. Тамаре ясно дали понять: она будет править тогда, когда они, дарбази, того пожелают. Ценой тяжелых уступок – пришлось отослать верных трону людей и ублажать корыстолюбивых церковников – ее короновали на царство вторично. Новый католикос Микаэл, вытребовавший себе за поддержку царицы должность первого визиря государства, постоянно ставил палки в колеса, лишая царицу возможности принимать самостоятельные решения. Вдобавок со двора удалили ее любимого, царевича Давида Сослани.

Как смогла столь юная женщина обуздать горячих грузинских мужей и жаждущих власти церковников, остается тайной за семью печатями. Ясно одно – для этого надо было обладать незаурядными личностными качествами и помимо силы характера иметь еще хитрость, коварство и ум. Первые свои государственные советы Тамара начала с жестких «кадровых перестановок». В качестве помощника она призвала из Иерусалима умнейшего ученого-богослова – католикоса Николая Гулабридзе, и, хотя ей еще не по силам оказалось справиться с ненавистным патриархом Микаэлом, который к тому же занимал множество государственных постов, Тамара осторожно, исподволь выводила корабль своего государства в нужное ей русло. Она умела быть жесткой, хотя казни предпочитала конфискацию имущества и лишение званий с привилегиями. Во всей Грузии нельзя было встретить

ни одного человека, с ее ведома подвергнувшегося насилию. За 31 год правления по ее распоряжению никто не был наказан даже плетью.

Войны в ту пору велись постоянно, а женщина во главе войска – это неубедительно. Грузинам нужен был царь – сильный, родовитый. Но с первым браком царице не повезло. Ее любимого не было с ней рядом, мужа ей выбирали на собрании дворян. Перебрали они заморских султанов, византийских царей да персидских шахов и нашли достойным князя Юрия Русского. После смерти отца он покинул родную землю и с тех пор обретался с дружиной в Византии. Напрасно Тамара горестно взывала к феодалам: «Как можно сделать такой необдуманный шаг? Мы не знаем ни о поведении этого чужеродца, ни о его делах, ни о его воинской доблести, ни о правах. Дайте мне переждать, пока не увижу достоинства или недостатки его».

Судя по строкам Шота Руставели, который, вероятно, был страстно влюблен в правительницу, она была преисполнена царственного достоинства и женской красоты. «Бисер – очи у Тамары, стан ее – хрусталик стройный, взгляд – страшнее Божьей кары... поступь, элегантность всех движений – грациозны, как у львицы, как у истинной царицы». О царице говорили, что она имела манеру «царственно вольно метать взоры вокруг себя, вела приятную беседу, была веселая, но чуждая всякой развязности, речь ее услаждала слух и была лишена всякой порочности».

Ее руки помогали многие властители – она была лакомым кусочком для любого венценосного жениха. Почему же из всех выбрали непутевого русского князя? Теперь трудно установить истину. По одной версии, замужество Тамары было продиктовано политическими соображениями, по другой – злостью Микаэла, который мечтал навредить ненавистной царице и настоял на этом браке. Одно не понятно: какие выгоды можно было извлечь из союза с опальным и бестолковым князем? Юрий был сыном знаменитого владимиросуданского князя Андрея Боголюбского, убитого в результате заговора. После смерти отца ничего хорошего князю на родине не перепало, и он с дружиной предпочел странствовать по чужбине.

Царице пришлось примириться с навязанным супругом. Но верхушка знати сильно заблуждалась, полагая, что в благодарность за трон Юрий станет пешкой в их руках. Русский князь оказался себе на уме. Войска он водил и победы одерживал, однако пил, ругался да своевольничал два с лишним года так, что вскоре у всех лопнуло терпение. Помимо пьянства Юрия обвинили в содомии, что и использовала Тамара для разрыва с неприятным ей супругом. «Я не должна отдыхать под тенью оскверненного дерева», – заявила она и, отсыпав ему полную меру золота, отправила назад, в Византию, где его приютили.

Однако Юрий развода не принял. Собрал он из греков огромную рать, к которой примкнули и некоторые грузинские недоброжелатели царицы, и двинулся завоевывать Грузию. В разгоревшейся войне к бывшему мужу присоединились враги Тамары – местные феодалы, жаждавшие отомстить царице за отнятые привилегии. Юрий занял Кутаиси и был коронован во дворце Гегути, его сторонники совершали набеги далеко в глубь страны, но все же мятеж был подавлен. На этот раз Тамара сама повела войска и, проявив недюжинный талант полководца, разбила супруга на подступах к Тбилиси. Бывшего мужа она пожалела и просто выслала из страны. Говорят, Юрий так просто не сдался и решился на второй заход. Результат оказался таким же плачевным.

Наконец-то в руках Тамары оказалось достаточно власти, чтобы быть с тем, к кому тянется сердце, а не с тем, кто навязан знатью. С самого детства для нее существовал только один мужчина – Давид, сын осетинского царя, которого, как и Тамару, воспитывала Русудан. Их брак оказался на редкость счастливым и гармоничным. С тех пор имя Тамары было тесно связано с именем Давида. Благодаря ему Тамара одерживала все самые громкие победы и проводила блистательные сражения. Сама она в битвах не участвовала: мол, не женское

это дело, но верный фельдмаршал Захарий и любимый муж Давид умело руководили войсками, а царица Тамара вдохновляла их на победы. Такой тандем был непобедим.

Теперь, никого не боясь, Грузия начинает наступательную политику. Пали Тавриз, Эрзерум, была одержана блестящая победа над султаном ардебильским. А чего стоит выигранная битва при Шамхорах? Персидский царь Абубакар придал походу религиозный характер, осенив свое многочисленное войско священным мусульманским знаменем, но неожиданно потерпел сокрушительное поражение. Поверженную мусульманскую святыню Тамара принесла в дар небесной царице – иконе Хахульской Божьей матери, что хранилась в монастырь Гелати. Заботясь о милой ее сердцу Грузии, она не забывала о Византии и православных славянских странах – посылала помощь томящимся в заточении христианам, строила великолепные монастыри и храмы.

Как мудрая правительница, Тамара на собственные военные таланты не полагалась, зато смогла создать совершенную грузинскую армию. Вся страна была разделена на 9 округов. Каждый округ имел эристава (губернатора) и спасалара (военачальника). При дворе царицы на приличном жаловании содержалось хорошо обученное постоянное шестидесятитысячное войско. Так что при необходимости ополченцы соединялись с профессионалами и в распоряжении царицы оказывалась одна из самых мощных армий того времени. А если прибавить к этому строжайшую дисциплину, которую Тамара установила в войсках, и то, что царица самолично выступала вдохновителем и организатором побед, то такую армию можно было считать непобедимой.

Военные трофеи и огромная дань с захваченных территорий сделали Грузию богатейшей страной средневекового мира, но мудрая правительница щедро обращала сокровища в новые крепости, монастыри, дороги, мосты, корабли, школы... Тамара понимала, что ее подданным необходимо дать хорошее образование, если она хочет, чтобы ее начинания были продолжены потомками и чтобы Грузия стала одной из сильнейших держав мира. Она позаботилась о том, чтобы качество образования в грузинских школах было необыкновенно высоким – даже в наше время объем тогдашней школьной программы поражает: богословие, философия, история, грузинский, греческий и еврейский языки, толкование стихотворных текстов, изучение вежливой беседы, арифметика, астрология, сочинение стихов...

Эта уникальная женщина поистине опередила свое время. Ее также можно назвать «крестной матерью» грузинской культуры. При дворе царицы были собраны лучшие музыканты, поэты, философы. Тамара получала несказанное удовольствие от долгих философских споров, и никакой бал не мог сравниться для нее со стихотворным турниром, в котором соперничали лучшие поэты.

Последние годы жизни Тамар провела в пещерном монастыре Вардзиа. Царица обитала там в келье, сообщавшейся посредством оконца с храмом, из которой она могла возносить молитвы к Богу во время служб. Она очень страдала от мучительной неизлечимой болезни, от которой и умерла в 1213 году. Вся Грузия плакала по ней. Прах святой Тамары на несколько дней положили в соборе в Мцхете, а затем погребли в Гелати – в родовой усыпальнице Багратионов.

Но где на самом деле покоятся ее мощи, никому не известно. Зная о том, что враги Христа захотят отомстить ей после смерти, она завещала похоронить себя тайно. Поэтому ночью из ворот замка, где умерла царица Тамара, выехало десять отрядов. Каждый вез гроб, десять гробов тайно похоронили в разных местах. Никто не знал, в каком из них находится тело царицы. Согласно одному преданию, она похоронена в Гелатском монастыре. Другое утверждает, что она погребена в Крестовом монастыре Иерусалима, так как дала обещание совершить паломничество в Иерусалим, но при жизни не смогла сделать этого, и новый царь Георгий Лаши исполнил заветное желание матери.

После кончины Тамары Грузия стала быстро терять свое могущество. Процветание сменили тяжелые годы монголо-татарского ига, затем власть над страной захватила Турция. Так закончился «золотой век» Грузии.

Ныне Тамара причислена к лику святых. О ней по-прежнему рассказывают многочисленные легенды. В частности, говорят, что ночами она является больным и лечит их от тяжелых болезней. И сегодня Тамара остается грузинской гордостью, известной во всем мире правительницей. Недаром в Грузии существует обычай – на свадьбу девушке дарить поэму «Витязь в тигровой шкуре»: царица, которую считал идеалом Шота Руставели, до сих пор является примером для грузинских женщин.

Жанна Д'Арк – святая воительница

Жанна д'Арк, или Орлеанская дева – это национальная героиня Франции. Святая воительница, чье имя прочно ассоциируется с ратным подвигом. Женщина, которая убедила мир, что слабый пол – это неслабая сила!

Появилась на свет наша героиня во времена для Франции далеко не лучшие. Но, может, в другие времена герои просто не рождаются? Столетняя война опустошила французские земли, к тому же Жанна жила в очередной «горячий период». Вплоть до 1415 года англо-французский конфликт разворачивался с переменным успехом: французы терпели жестокие поражения, но все же им удавалось держать под контролем значительную часть страны, а иногда и отвоевывать некоторые территории.

Но в 1415 году ситуация резко ухудшилась: в Англии прекратилась междоусобица, и король Генрих V из новой династии Ланкастеров начал решительное вторжение на материк. В самой же Франции внутренняя ситуация была катастрофической: страной формально правил безумный король Карл VI, принимать решения от его имени кто только ни пытался... В 1416 году бургундский герцог Иоанн Бесстрашный заключил союз с англичанами и стал хозяином Парижа, принявшись править от имени сумасшедшего короля совместно с женой последнего – Изабеллой Баварской. Он получил власть сегодня, а после него хоть потоп – после смерти Карла VI власть должна была перейти к англичанам. Дофин Карл, наследник Карла VI, лишь чудом сумел бежать на юг страны. Чтобы полностью подчинить Франции, англичанам достаточно было соединить оккупированные части северной Франции. Ключевым пунктом, мешавшим им это сделать, был город Орлеан, операция по взятию которого началась в 1428 году. Защитники отчаянно оборонялись, но исход осады казался предрешенным.

Жанна д'Арк родилась в деревне Домреми на границе Шампани и Лотарингии в 1412 году. Кстати, Жанна никогда не называла себя Жанной д'Арк, а лишь «Жанной Девственницей», уточняя, что в детстве ее называли Жанеттой. Сызмальства она была особенной: слышала голоса святых – архангела Михаила и святой Екатерины Александрийской. Ей было видение, что Францию погубит женщина, но спасет девушка. Относительно роли погубительницы все сходились на кандидатуре королевы Изабеллы Баварской – она за солидное вознаграждение заявила, что ее сын, дофин Карл, рожден не от короля и, соответственно, не имеет прав на престол, а потому англичанам престол подходит больше, а вот спасительницей пришлось стать ей, Жанне Девственнице. Голоса открыли Жанне, что именно ей суждено снять осаду с Орлеана, возвести дофина на трон и изгнать захватчиков из королевства.

Когда Жанне исполнилось 16 лет, она отправилась к капитану города Вокулер – Роберу де Бодрикуру и объявила о своей миссии. Тот ее высмеял – вопрос о равноправии полов еще, мягко говоря, не поднимался. Однако через год девушка повторила свою попытку. Тогда она впервые встретила с будущим соратником – Жаном де Мецом. Во время их встречи Мец спросил, кто является ее господином. Жанна ответила: «Бог». Де Мец был более внимателен к ее словам, к тому же Жанна точно предсказала исход «Селедочной битвы» под стенами Орлеана (которую французы проиграли, хотя все предполагали обратное). Жан был оруженосцем Робера де Бодрикура и уговорил капитана помочь ей, дав людей, чтобы Жанна смогла направиться к королю. Для большей безопасности именно де Мец снабдил ее мужской одеждой.

Впоследствии девушка до конца жизни предпочитала одеваться именно так, объясняя, что в мужской одежде ей легче воевать и не вызывать нездорового внимания со стороны

солдат. Тогда же к Жанне присоединились два ее верных спутника – рыцари Жан де Мец и Бертран де Пуланжи.

За 11 дней преодолев расстояние по неприятельской территории Бургундии между Домреми и Шиноном, 4 марта 1429 года Жанна прибыла в этот замок – резиденцию дофина Карла. Дофин решил устроить ей проверку, посадив на трон другого человека, а сам оставшись в толпе придворных. Однако Жанна выдержала испытание и сама нашла короля. Она объявила Карлу, что послана Небом для освобождения страны от английского господства и попросила войска для того, чтобы снять осаду Орлеана. В Шиноне Жанна изумила Карла VII и молодого герцога Алансонского своим мастерством в верховой езде, безупречным знанием игр, распространенных среди знати, отличным владением оружием. Ален Шартье, секретарь королей Карла VI и Карла VII, отмечал: «Создавалось впечатление, что эта девушка воспитана была не в полях, а в школах, в тесном общении с науками». Карл, однако, колебался. Сначала он приказал, чтобы матроны подтвердили девственность Жанны, затем отправил ее в Пуатье, где она должна была подвергнуться допросу богословов, а также послал гонцов на ее родину. Но ничего, что могло бы бросить тень на репутацию девушки, не было найдено. Карл решился и передал в ее руки командование войсками, назначив главнокомандующей. Ведущие французские военачальники Этьен де Виньольт по прозвищу Ла Гир, Потон де Сентрайль и граф Дюнуа, из последних сил отбивавший английские атаки в Орлеане, должны были встать под ее командование. Некоторую роль в таком смелом решении Карла наверняка сыграл тот факт, что Жанна именем Бога подтвердила дофину его законнорожденность и права на престол, в которых сомневались многие, включая самого наследника.

После назначения командующей войском для Жанны изготавливают доспехи (она получила специальное разрешение комиссии богословов из Пуатье на ношение мужской одежды), знамя и хоругвь. Меч для нее был найден в церкви Сен-Катрин-де-Фьербуа согласно повелению самой Жанны. По легенде, этот меч принадлежал Карлу Великому. Затем она направилась в Блуа, назначенный сборным пунктом для армии, и уже во главе армии выступила к Орлеану.

Известие о том, что армию возглавила посланница Бога, вызвало необычайный моральный подъем в армии. Потерявшие надежду военачальники и солдаты, уставшие от бесконечных поражений, воодушевились – прибытие Жанны вдохнуло во всех новые силы.

29 апреля Жанна с небольшим отрядом прорывается в Орлеан. 4 мая ее армия одержала первую победу, взяв бастион Сен-Лу. Победы следовали одна за другой, и уже в ночь с 7 на 8 мая англичане были вынуждены снять осаду с города. Таким образом, задачу, которую прочие французские военачальники считали практически невыполнимой, Жанна д'Арк решила за девять дней. В ходе операции она была ранена в грудь стрелой, но это только упрочило ее репутацию.

В следующий поход к занятым англичанами замкам Луары Жанна выступила 9 июня. И в этот раз армия, возглавляемая ею, действовала быстро, решительно и необычайно успешно. 11 июня она подошла к центральному укрепленному пункту англичан на Луаре – Жаржо. На следующий день Жаржо был взят приступом. 15 июня Жанна покорила Мен-сюр-Луар, 16 июня выступила на Божанси, а уже 18 июня состоялась решающая битва при Пате, которая закончилась полным разгромом англичан. Луарская операция была завершена.

Жанна отправилась к королю и призвала его отправиться в Реймс – традиционное место коронации французских королей. 29 июня начался «бескровный поход» в сторону Реймса. Город за городом открывал ворота перед королевской армией, 17 июля король был торжественно миропомазан в Реймском соборе в присутствии Жанны д'Арк, что вызвало необычайный всплеск патриотизма в стране. После коронации Жанна убеждала Карла

начать наступление на Париж, пользуясь благоприятной ситуацией и смятением в стане англичан, однако тот не проявил воодушевления. Атака на столицу провалилась главным образом из-за того, что Карл не усилил войско ни поддержкой, ни своим присутствием, к тому же Жанну тяжело ранили в бедро. Наступление захлебнулось.

Весной 1430 года военные действия были возобновлены, но проходили вяло. Жанне постоянно ставили разные препоны королевские придворные. В мае Орлеанская дева приходит на помощь Компьену, осажденному бургундцами. Удача, однако, оставила храбрую девушку – в результате предательства она попала в плен. И король Карл, который стольким был ей обязан, не сделал ничего, чтобы спасти пленницу. Вскоре за 10 000 золотых ливров бургундцы продали ее англичанам. Начало зимы Жанна встретила в Руане.

Процесс начался 21 февраля 1431 года. Несмотря на то, что формально Жанну судила церковь, обвиняя ее в ереси, она содержалась в тюрьме под охраной англичан как военнопленная. Возглавлял процесс епископ Пьер Кошон, ярый лоббист английских интересов во Франции.

Английское правительство нисколько не скрывало ни своей причастности к суду над Жанной д'Арк, ни того значения, которое оно этому суду придавало. Оно взяло на себя все связанные с процессом расходы. Сохранившиеся и опубликованные документы английского казначейства в Нормандии показывают, что эти расходы были немалыми.

В хрониках венецианца Морозини прямо сказано: «Англичане сожгли Жанну по причине ее успехов, ибо французы преуспевали и, казалось, будут преуспевать без конца. Англичане же говорили, что, если эта девушка погибнет, судьба не будет больше благосклонна к дофину». В ходе процесса выяснилось, что обвинить Жанну будет не так-то просто – девушка держалась на судилище с потрясающим мужеством и уверенно опровергала обвинения в ереси и сношениях с дьяволом. Поскольку не удавалось добиться от нее признания в ереси, суд начал концентрироваться на тех фактах, где добровольное признание Жанны не требовалось – например, на ношении мужской одежды, пренебрежении авторитетом Церкви, а также пытался доказать, что голоса, которые слышала Жанна, исходили от дьявола. Вопреки нормам церковного суда, Жанне не разрешили подать апелляцию Папе и проигнорировали благоприятные для Жанны выводы процесса в Пуатье, когда ее проверяли по приказу Карла.

Кошон понимал, что если он осудит Жанну на смерть, не добившись от нее признания вины, то лишь поспособствует возникновению вокруг нее ореола мученицы. В надежде сломить волю узницы ее содержали в ужасных условиях, английские стражники оскорбляли ее, трибунал угрожал ей пыткой, но все напрасно – Жанна отказывалась покориться и признать себя виновной. Но выход был найден бумагу с отречением подписали путем обмана. Да и Жанна ли ее подписала? Подпись в виде крестика даже подделывать не надо...

30 мая 1431 года Жанна д'Арк была сожжена заживо на площади Старого Рынка в Руане. На голову Жанны надели бумажную митру с надписью «Еретичка, вероотступница, идолопоклонница» и повели на костер. «Епископ, я умираю из-за вас. Я вызываю вас на Божий суд!» – с высоты костра крикнула Жанна и попросила дать ей крест. Палач протянул ей две скрещенные хворостины. Когда огонь охватил ее, она лишь крикнула несколько раз: «Иисус!». Ее пепел был развеян над рекой.

Осуждение и казнь Жанны д'Арк не помогли англичанам – от удара, нанесенного ею, они так и не смогли оправиться. Умерла Изабелла, Франция помирилась со своей воинственной провинцией – Бургундией, была присоединена Нормандия. После этого Карл VII велел собрать все документы, относящиеся к процессу над Жанной, и расследовать его законность.

Процесс был объявлен недействительным, один экземпляр протоколов и обвинительного заключения был символически разорван перед толпой собравшихся.

Как-то не похоже на хеппи-энд, да? Девушка, которая пошла против своего естества и взяла в руки меч, умерла страшной смертью – и никто не пришел ее спасти. Может быть, поэтому ее воинственный образ так врезался в память человечества: практически в каждой католической церкви во Франции есть статуя святой Жанны д'Арк. Во всей этой истории много белых пятен. Все – от происхождения Жанны, любовной истории, военных побед и до самой смерти – вызывает у историков сомнения. Легенда о Жанне д'Арк была бы прекраснейшей из существующих, если бы не многочисленные свидетельства: до нас дошли письма, подписанные ею, о ее товарищах по оружию можно прочесть в исторических книгах, тщательные записи всего долгого судебного процесса над ней дошли до нас в независимых рукописях трех нотариусов, которые официально на нем присутствовали, сохранились даже квитанции о выплате жалованья судьям, ее осудившим! Самое важное ясно – такая женщина существовала! И даже если ее на сожгли на костре, как повествуют альтернативные версии ее жизни, значение этой личности в истории ничуть не умаляется.

Изабелла Кастильская – первая королева Испании

Невысокая миловидная женщина, прелестные каштановые волосы, зеленые глаза и нежный голос... Сложно поверить, что действия этой прелестной барышни стали стартом объединения Испании и расцвета инквизиции на этой земле. Изабелла Кастильская определила политику своего государства на долгие годы вперед – вслед за ней испанцы стали истинными католиками, благодаря ей первыми смогли добраться до сокровищ новых земель.

Во времена, когда родилась будущая королева Изабелла, Испании как таковой еще не существовало. Были разрозненные королевства, по кусочкам оторванные от исламских эмиратов, многие века хозяйничавших на этой земле. Кастилия и Леон, которыми правил отец Изабеллы Хуан II, были самыми крупными государствами, но отнюдь не все земли были под их властью. Ко второй половине XV века земли, что теперь зовутся испанскими, почти освободились от мавританской власти. Однако оставался еще крепкий оплот мусульман на Пиренейском полуострове – Гранада. Изабелла росла в атмосфере ненависти к иноверцам и, по-видимому, еще в детстве мечтала о том, чтобы изгнать их из Испании.

Юная принцесса была воспитана в захолустье Аревало, вдали от двора, в строжайшем благочестии и без малейшей надежды занять когда-либо престол. После смерти отца ее брат Энрике законно занял престол, к тому же подрастал ее младший брат Альфонсо. Мать девочки обладала тяжелым, к тому же невротическим характером, была подвержена приступам истерии. Изабелла с детства привыкла, что церковь – это место, где ей будут рады, священнослужители – это те, кто о ней заботится. Возможно, в конце концов она приняла бы постриг, но история распорядилась иначе.

Вступив на престол после смерти отца (1454), Энрике начал свое правление с объявления войны маврам. Кастильцы дошли до стен Гранады и овладели Гибралтаром, но король, избегая решительных сражений, свел на нет эти победы. Знать королевства начала относиться к Энрике с презрением, вызванным его поведением в войне с Гранадой. Это его отец держал дворян (кортесов) в кулаке, Энрике, напротив, желая их утихомирить, возвращал земли и имущество, конфискованное предыдущим монархом.

Отрицательное отношение к королю усилились из-за слухов о его проблемах в семейной жизни. В 1453 году был аннулирован Николаем V его брак с Бланкой Наваррской, так как Энрике IV на протяжении всего брака не вступал в интимную связь со своей супругой. Официальное обследование подтвердило девственность королевы. Папа отменил их брак на том основании, что какое-то «сверхъестественное колдовство» (средневековое название для психологического блока) удерживало Энрике от вступления в половые отношения.

Современники объясняли это несостоятельностью Энрике как мужчины, за что он был прозван Бессильным (для нашего уха – Импотентом, от исп. Impotente). В 1455 году Энрике IV женился вторично на Жуане Португальской, сестре португальского короля. Как говорили, первая брачная ночь также не принесла плодов, и для зачатия пришлось прибегать к «механическим приспособлениям». Спустя 6 лет в этом союзе родилась дочь Хуана, законная наследница трона. Однако над ней всегда висела тень незаконнорожденности – современники считали ее биологическим отцом придворного красавца Бельтрана де ла Куэва. Рожденная Жуаной девочка воспринималась всеми как плод адюльтера и получила прозвище «Бельтранеха» – в честь своего предполагаемого отца. Со второй женой король также развелся.

Эти факторы – бессилие короля Энрике, измены королевы Жуаны и сомнительность происхождения ее дочери Хуаны сделали вопрос престолонаследия вновь актуальным. Знать принудила короля Энрике назвать наследником своего младшего брата Альфонсо – Изабелла была средней по рождению. Король первоначально согласился, предполагая, что Альфонсо

женится на его дочери Хуане Бельтранехе, но спустя некоторое время передумал. Кастильские кортесы, почувствовав в короле слабость, намеревались взять власть в свои руки, ведь шествование над молодым Альфонсо дало бы им большие возможности.

О низложении Энрике IV было объявлено в Пласенсии 27 апреля 1465 года, однако формальная церемония низложения была проведена 5 июня неподалеку от Авилы, в присутствии малолетнего инфанта Альфонсо. На большой, издали видной платформе было выставлено деревянное чучело короля в черном одеянии, со скипетром и мечом в обеих руках. Дворяне зачитали перед чучелом длинный список обвинений, где фигурировали нежелание воевать с маврами, пристрастие к мужеложству и половое бессилие. Также было указано, что инфанта Хуана не может быть его дочерью и, следовательно, наследовать кастильский престол. По окончании речей с истукана сняли корону, сняли меч и скипетр, затем повалили чучело наземь с криком: «Ниц, содомит!». После этого спектакля на сцену поднялся инфант Альфонсо, и присутствовавшие принялись целовать отроку руки. Так началось восстание, в котором сам юный принц был не более чем пешкой или скорее знаменем, под которым собирались желающие власти или презирающие Энрике дворяне. Вся Кастилия разделилась на два враждебных лагеря: северные провинции были за Энрике, южные – за Альфонсо. Опираясь на ресурсы влиятельного семейства Мендоса, король в 1467 году дал сражение при Ольмедо и одержал победу. Но война продолжалась, и мятежники заняли Сеговию, где находилась инфанта Изабелла. Их остановила внезапная смерть Альфонсо в возрасте 14 лет (возможно, от яда). Надежды мятежных дворян сосредоточились на Изабелле. Но она отказалась принять корону при жизни брата, и мятеж временно затух.

После гибели Альфонсо Энрике по требованию знати заключил со своей сестрой Изабеллой договор у быков Гисандо, согласно которому она становилась его наследницей, причем король обязывался не принуждать ее к нежелательному для нее браку, а она обязывалась не выходить замуж без согласия брата. Король уже официально пренебрег своей предполагаемой дочерью Хуаной Бельтранехой, которую, в свою очередь, в 1475 году ее дядя, португальский король Альфонс V, взял в жены, чтобы закрепить свои притязания на Кастилию. Но брак был аннулирован Папой римским Сикстом IV из-за близкого родства.

Энрике IV пытался выдать свою сестру Изабеллу замуж, предлагая ей несколько кандидатов, но она отвергла его варианты, избрав Фердинанда, принца Арагонского. Инициатива венчания исходила от архиепископа Каррильо и ее духовника – аббата Томаса де Торквемады. Изабелла привыкла верить словам духовных пастырей. К тому же девушке столько рассказывали о будущем женихе, что юная принцесса заочно его полюбила. Вся эта история с тайной женитьбой ей казалась волнующей и романтической. И крайне политически выгодной. Бракосочетание было тайным, так как король Энрике не дал на него своего разрешения. Свита жениха прибыла в Кастилию, переодевшись купцами. Действительность не обманула ожиданий Изабеллы – принц сразу понравился принцессе. Рассказывают также о смелом поступке Изабеллы, отказавшейся следовать монаршему протоколу: Фердинанд при встрече обязан был поклониться и поцеловать кастильской принцессе руку, демонстрируя подчиненное положение Арагона. «Мы равные, – решила она, – и встретимся как равные, пусть это будет счастливым началом нашего союза». Среди драгоценностей, принадлежавших королеве, были две особо ей дорогих – рубин и жемчужное ожерелье, подаренные Фердинандом еще до венчания; они есть на свадебном портрете. Видимо, подарок этот Изабелле был очень дорог, так как она мягко уходила от укоров своего духовника, требовавшего сдержанности в одежде, и эти два знака внимания ее возлюбленного были с ней неизменно – до момента, когда она подарила их невесте сына, Маргарите Австрийской.

Так как супруги приходились друг другу родственниками (их дедушки, Энрике III Кастильский и Фердинанд I Арагонский, были родными братьями), требовалось разрешение папы. Чтобы уладить этот вопрос, Хуан II Арагонский, отец жениха, посылал своих

людей к папе Павлу II. Но решить проблему им не удалось – Папа отказался давать разрешение, побоявшись резкого осуждения со стороны Энрике, а также Франции и Португалии. Тем не менее свадьба состоялась, а необходимый документ был сфабрикован. 1 декабря 1471 года он был подписан следующим папой Сикстом IV, а число поставили то, которое требовалось.

Энрике объявил сестру нарушившей договор и по этой причине лишенной престола. Но сторонники Изабеллы поднялись в защиту ее прав, и борьба за престол возобновилась. В ходе ее Энрике умер, и кортесы признали Изабеллу королевой, при этом было принято постановление, что управление государством должно принадлежать исключительно Изабелле и участвовать в нем Фердинанд может лишь как ее уполномоченный, но акты о назначении на должность и произнесение судебных приговоров должны совершаться от имени обоих супругов; имена их должны чеканиться на монетах, но казна и войско Кастилии и Леона находятся в исключительном распоряжении Изабеллы.

Нельзя сказать, что «самостоятельное плавание» началось легко. Супругам пришлось подавить продолжавшиеся гражданские стычки из-за престолонаследия, которые усложнялись вторжением в Кастилию португальского короля Альфонса V, который поддерживал права своей племянницы и одновременно невесты – Хуаны Бельтранехи. (Он взял ее в жены с целью закрепления своих притязаний на Кастилию. Но брак был аннулирован папой римским Сикстом IV из-за близкого родства.) Борьба эта продолжалась до октября 1479 года. Потерпевший поражение при Торо Альфонс V принужден был заключить мир и отказаться от притязаний на кастильский престол. Укрошено без кровопролития восстание в Сеговии, куда Изабелла не побоялась отправиться лично на переговоры с мятежниками.

Но королева занималась не только войнами, но и реформами. Ведь Кастилия находилась в отчаянном положении благодаря «стараниям» ее брата. Энрике IV был большой транжира, но мало заботился о соблюдении законов в своем королевстве. По словам современника, убийства, изнасилования и грабежи совершались практически безнаказанно. Перед Изабеллой стояла трудная задача – положить конец хаосу.

Наиболее значимой ее реформой в 1476 году стало создание первой в Европе полиции на основе традиционного для кастильцев явления – Санта Хермандад (Святое братство). Так называли добровольные объединения мужчин, собиравшихся вместе, чтобы поддерживать в своей округе закон и порядок, для патрулирования дорог, а также поиска и наказания злоумышленников. При бездействии государственных органов это была реальная сила, преимущества которой Изабелла смогла оценить и обратить на пользу государству (тогда как ее предшественники добровольцам не доверяли и старались «хермандадас» разгонять). Теперь же полиция набиралась из местных жителей и содержалась за счет налогов. Решение оказалось удачным и эффективным. Кастилия, Астурия и Леон первыми оценили это нововведение. А к 1481 году всего двое (!) должностных лиц, назначенных короной, так умело приступили к своим обязанностям, что за короткое время смогли обуздать преступность в провинции Галисия, чьи дороги считались крайне опасными со времен правления Иоанна II, отца Изабеллы. Была проведена судебная реформа, создан Королевский совет и назначены магистры (судьи) для управления городами.

Фердинанд и Изабелла известны как монархи, объединившие Испанию и открывшие новую главу ее истории. Но более всего супруги стремились к их общей заветной цели – завершению Реконкисты на Иберийском (Пиренейском) полуострове и завоеванию мусульманского Гранадского эмирата. С 1480 года Арагон и Кастилия начали успешно воевать против мавров, но два года прошло, прежде чем пала Гранада, и еще 10 лет – прежде чем эмир Боабдиль сдал последний мусульманский город на испанской земле. Так пала власть мусульман, но самих мавров оставалось еще очень много.

Изабелла считала едва ли не важнейшей своей задачей религиозное единение страны – она должна была объединить всех единоверцев для святого дела Реконкиста. Пиренейский полуостров был весьма пестрым по составу населения, веками бок о бок с христианами жили иудеи и мусульмане. Многие иноверцы зачастую крестились из корыстных соображений, соблюдая внешнюю обрядовость (и занимая высокие государственные посты!), но при этом продолжая втайне исповедовать свою прежнюю религию.

Испания тогда представляла собой наиболее благоприятную почву для развития на ней инквизиции. Многовековая борьба с маврами способствовала росту в народной среде религиозного фанатизма. Богатство мавров внушало зависть народу и представляло соблазн для правительства. Душой новой инквизиции в Испании был духовник Изабеллы, доминиканец Торквемада. В 1478 году была получена булла от Сикста IV, разрешавшая «католическим королям» установление новой инквизиции, а в 1480 году был учрежден в Севилье первый ее трибунал. Деятельность свою он начал в следующем году, а к концу его предал казни 298 еретиков. В 1483 году папа назначил великим инквизитором Кастилии и Арагона Торквемаду, который и завершил преобразования испанской инквизиции.

С тех пор дело очищения Испании от еретиков и нехристей стало быстро подвигаться вперед, особенно после 1492 года, когда Торквемаде удалось добиться изгнания из Испании евреев. Изабелла, истовая католичка, подписала нужный эдикт, ведь он полностью соответствовал ее цели – установлению торжества ее веры на земле. К тому же когда остальной мир со страхом прислушивался к тяжелой поступи турок, оставлять в сердце своих земель потенциальную опасность было недалеко от истины. Результат истребительной деятельности испанской инквизиции при Торквемаде (в период с 1481 года до 1498 года) – около 8 800 человек было сожжено на кострах. В Кастилии инквизиция пользовалась популярностью среди фанатичной черни, с удовольствием сбегавшейся на аутодафе, а Торквемада до самой смерти пользовался всеобщим уважением. Именно при этой королеве Испания стала самой католически суровой страной – не одну сотню лет и после ее царствования горели костры, сопровождаемые жестокими репрессиями.

Надо сказать, что Изабелла участвовала в войнах и устанавливала католический порядок в Испании отнюдь не от врожденного авантюризма или излишней мужественности. Внешне Изабелла не выглядела «амазонкой», наоборот, – современники рисовали ее хрупким созданием с нежной кожей и прелестными каштановыми волосами. Переноса наравне с мужчинами все тяготы военной жизни, она умудрилась родить десятерых детей, правда, пятеро из них умерли в младенческом возрасте. Детей она обожала. Даже свою дочь Хуану, которая так была похожа на истеричную мать Изабеллы. Королева много времени уделяла этой девочке, жалея ее, но судьба Хуаны сложилась трагично. Выйдя замуж за Филиппа Австрийского и родив ему сына, Хуана потеряла рассудок. После смерти мужа ее отвезли в отдаленный замок и забыли навсегда. Но Изабелле уже не довелось увидеть, как отправляют ее любимицу в заточение.

Дети Изабеллы и Фердинанда не знали никакой другой жизни, кроме походной. Конечно, Изабелла могла бы оставлять их дома, но она считала, что самолично должна заниматься их воспитанием, в особенности религиозным. Из пятерых выживших детей у супругов был только один сын – Хуан, на которого королевская чета, конечно, возлагала особые надежды. К сожалению, наследник прожил совсем недолго. В 19 лет он быстро сгорел от смертельной болезни, предположительно туберкулеза. Эта смерть особенно сильно ударила по Изабелле. Семейная жизнь ее тоже дала трещину. В первые годы супружеской жизни Изабелла и Фердинанд любили друг друга, но со временем в их отношениях появился разлад. Они сильно конфликтовали, не желая уступать друг другу. Смерть сына окончательно отдала супругов. Фердинанд завел любовницу, а Изабелла стала мужененавистницей и полностью посвятила себя религии.

Но королева совершила в своей жизни еще одно важное дело, весьма повлиявшее на ход мировой истории. Она помогла Христофору Колумбу получить средства для его экспедиции. Впервые Колумб пытался увлечь испанских монархов своей идеей в 1485 году, но в то время война с маврами была в самом разгаре, и ее исход волновал Изабеллу гораздо больше, чем обещания открыть Испании новые земли и сделать ее правительницу самой богатой женщиной мира. «Приходите, когда я выиграю эту войну, – сказала она Колумбу. – Тогда я подумаю над вашим предложением, но уже по-настоящему».

Наконец, в январе 1492 года состоялось долгожданное событие – взятие Гранады. Колумб, видимо, сильно переоценил победный энтузиазм короля Испании: когда он сформулировал те условия, на которых предполагал открывать и владеть новыми землями (назначить его вице-королем новых земель, наградить его титулом «главного адмирала моря-океана»), Его Величество признал требования Колумба «чрезмерными и неприемлемыми» – переговоры сорвались.

Но Изабелла сделала шаг навстречу энтузиасту. Говорят, что поступила она так больше из жалости к мужу, чем по каким-то другим причинам. Однако, ознакомившись с предлагаемой сметой, сильно пожалела о своем обещании. Но отступить было не в ее правилах. 30 апреля 1492 года королевская чета жалует Колумбу и его наследникам титул «дон» (то есть делает его дворянином) и подтверждает, что в случае удачи заокеанского проекта он будет вице-королем всех земель, которые он откроет или приобретет, и сможет передать эти титулы по наследству. 3 августа 1492 года Колумб на трех судах с экипажем в 90 человек отправился в плавание на запад. Он не нашел Индии, зато открыл Новый Свет.

Именно Испания первая ступила на американские земли, именно испанцы первыми добрались до индейских богатств. На многие годы испанские мореплаватели стали лучшими! И все это благодаря одной женщине. На острове Эспаньола Колумб основал первую в Новом Свете колонию европейцев. Он назвал ее Изабелла – в честь королевы, благодаря которой он смог осуществить свою мечту. Но это такая малость по сравнению с крутым поворотом в истории Испании, которая стала на века истово католической и немыслимо богатой страной. Великой королевы не стало в 1504 году.

Роксолана

Она была единственной женщиной в султанском гареме, имевшей официальный титул. Она – султанша Хасеки, и султан Сулейман разделял с ней свою власть. Эта женщина заставляла мусульманина забыть о гаремных красотках. Поэтому вся Европа хотела знать подробности о женщине, которая смело поднялась с султаном на трон с открытым лицом! Известная под именем Роксоланы величественная красавица доказала, что даже суровый восточный закон и властный турецкий правитель уступят, только нужна по-настоящему решительная и умная женщина.

Именем Роксоланы-Хуррем-Султан назван район Авретбазара в Стамбуле – там, по преданию, была продана в гарем турецкого султана Настя Лисовская и там она позднее воздвигла мечеть, приют для бедных и больницу. Усыпальница Роксоланы-Хуррем-Хасеки – уникальная достопримечательность Турции. Она находится рядом с гробницей ее мужа султана Сулеймана Великолепного, с которым она прожила в законном браке 40 лет. За тысячелетнюю историю Османской империи такой чести удостоена единственная женщина – Роксолана.

Анастасия Гавриловна Лисовская (родилась около 1506 г. – умерла около 1558 г.) была дочерью священника Гаврилы Лисовского из Рогатина – небольшого городка на Западной Украине, расположенного юго-западнее Тернополя.

Первая половина XVI века была временем, когда турки вместе с подвластными им татарами беспощадно грабили территории юго-восточной Европы. «Священная война» мусульман за свою веру велась с целью порабощения христиан и оправдывала любые злодеяния. В 1512 году волна опустошительных набегов докатилась и до современной Западной Украины, которая находилась тогда под властью Речи Посполитой. Историки считают, что в этом нападении участвовала армия численностью 25 тысяч человек. Захватчики прошли от низовьев Днепра до Карпат, неся разруху и опустошая земли. Через всю Украину тянулись скорбные дороги невольников, тысячи поработанных людей стекались в крымский город Кафу (современная Феодосия), на самый большой рынок рабов, чтобы затем морем попасть в Стамбул. Этот путь проделала в числе других полонянок и девочка, дочь священника из городка Рогатин (теперь Ивано-Франковская область) Настя Лисовская.

Можно предполагать, что Роксолана-Анастасия попала в плен 15-летней. И что благодаря своей красоте она не худшим образом пережила этот период. Ценный «живой товар» татары не гнали пешком через степь, а под бдительной охраной везли на лошадях, даже не связывая руки, чтобы не попортить веревками нежную девичью кожу. Пораженные красотой полонянки крымчаки решили отправить девушку в Стамбул, надеясь выгодно продать ее на одном из самых больших невольничьих рынков мусульманского Востока.

По прихоти переменчивой судьбы ее купили в первый же день. Она случайно попала на глаза оказавшемуся там всесильному визирю молодого султана Сулеймана I, благородному Рустем-паше. Турка поразила ослепительная красота девушки, и он решил купить ее, чтобы сделать подарок своему господину. Узнав, для кого предназначена рабыня, торговец подарил ее султану в знак уважения. Такой поворот событий дал возможность Роксолане стать законной женой Сулеймана, что было бы невозможно, если бы ее купили за деньги.

Существует легенда о том, как Хуррем (Hürrem в переводе с персидского – «улыбчивая», «смешливая», «веселая») попала на глаза султану. Когда султану представляли новых рабынь (более красивых и дорогих, чем она), в круг танцующих одалисок вдруг влетела маленькая фигурка и, оттолкнув «солистку», рассмеялась. А потом запела свою песню. Гарем жил по жестоким законам. И евнухи ждали только одного знака, чтобы приготовить для девчонки одно из двух: одежду для спальни султана или шнурок, которым удавливали

рабынь. Султан был заинтригован и удивлен. И в тот же вечер Хуррем получила платок султана – знак того, что вечером он ожидает ее в своей спальне. Заинтересовав султана, она попросила только одного – права посещать султанскую библиотеку. Султан был шокирован, но разрешил. Красавица же достойно воспользовалась этой возможностью.

Она посвящала своему султану стихи и даже писала книги. Это было невиданно по тем временам, и вместо уважения вызывало недоумение и даже неприятие. Ее ученость плюс то, что султан проводил все свои ночи с ней, создали Хуррем устойчивую славу ведьмы. О Роксолане говорили, что она заколдовала султана с помощью нечистой силы. В каком-то смысле он и впрямь был околдован.

Махидевран, мать принца Мустафы, стала ревновать султана к Хуррем. Возникшую между Махидевран и Хуррем ссору в своем отчете за 1533 год описал венецианский посол Бернардо Навагеро: «...Черкешенка оскорбила Хуррем и разодрала ей лицо, волосы и платье. Спустя некоторое время Хуррем пригласили в султанскую опочивальню. Однако она сказала, что не может в таком виде идти к повелителю. Тем не менее султан вызвал Хуррем и выслушал ее. Затем он позвал Махидевран, спросив, правду ли ему рассказала Хуррем. Махидевран сказала, что она главная женщина султана и что другие наложницы должны подчиняться ей, и что она еще мало побила коварную Хуррем. Султан разгневался на Махидевран и сделал Хуррем своей любимой наложницей».

Роксолана жадно вбирала в себя все, чему ее учили во дворце, брала все, что давала ей жизнь. Историки свидетельствуют, что через некоторое время она овладела турецким, арабским и персидским языками, научилась в совершенстве исполнять восточные танцы, декламировать современников, а еще играть по правилам чужой жестокой страны, в которой она жила. Следуя правилам своей новой родины, Роксолана приняла ислам.

Вскоре султан обнаружил, что именно Хуррем с ее острым умом способна дать лучший совет в государственных делах. Будущая султанша Османской империи ежеминутно была настороже, потому что там, где ей выпала доля жить, действовал только один закон: или уничтожают тебя, или уничтожаешь ты.

В 1521 году скончались двое из трех сыновей Сулеймана. Единственным наследником остался шестилетний Мустафа, что в условиях высокой смертности представляло угрозу для династии. В связи с этим способность Хуррем родить наследника давала ей необходимую поддержку во дворце. Конфликт новой фаворитки с Махидевран сдерживался авторитетом матери Сулеймана Хафсы.

Но в 1534 году умерла валиде-султан, мать Сулеймана. Давняя соперница Хуррем – Махидевран с сыном, который достиг совершеннолетия отправилась в Манису. В марте 1536 года великий визирь Ибрагим-паша, ранее опиравшийся на поддержку Хафсы, был казнен по приказу султана Сулеймана, а его имущество конфисковано. Место Ибрагима сразу же занял Рустем-паша, которому симпатизировала Роксолана. За него она отдала замуж свою 17-летнюю дочь. (Позднее Рустем тоже не смог избежать придворных интриг своей тещи: использовав родную дочь в качестве лазутчицы, Роксолана изобличила зятя в предательстве султана и – Рустем-паша был обезглавлен). Смерть валиде и отстранение великого визиря позволили Хуррем укрепить собственную власть. После смерти Хафсы Хуррем смогла добиться того, чего никто и никогда до нее не добивался. Она стала официальной женой Сулеймана. Хотя не существовало никаких законов, запрещающих женитьбу султанов на рабынях, вся традиция османского двора настраивала против этого.

Вот что писал британский дипломат, служивший в Стамбуле, о свадьбе Сулеймана со своей наложницей Хуррем: «На этой неделе в Стамбуле произошло невиданное доселе событие: султан Сулейман объявил султаншей свою украинскую наложницу Роксолану, ввиду чего в Стамбуле состоялось большое празднество. Нельзя передать словами пышность свадебной церемонии, проходившей во дворце. Было устроено общее шествие. Ночью

все улицы были иллюминированы. Повсюду были устроены увеселения, на которых играли музыканты. Дома были разукрашены. Народ пребывал в восторге. На площади Султанахмет была сооружена большая трибуна, перед которой состоялось состязание. На празднество пришли Роксолана и другие наложницы. Участвовали в состязании мусульманские и христианские рыцари. Затем состоялось представление с участием канатоходцев, фокусников, диких зверей, среди которых были и высоченные жирафы. По поводу свадьбы в Стамбуле ходили разные слухи. Однако никто не знал в точности того, что произошло».

Вероятно, свадьба состоялась в июне 1534 года, хотя точная дата этого события не известна. Уникальное положение Хуррем отражал и ее титул – Хасеки, введенный Сулейманом специально для нее.

Сулейман и Хуррем могли часами говорить о любви, политике, искусстве... Они часто общались стихами. Роксолана, как настоящая женщина, знала, когда надо промолчать, когда взгрустнуть, а когда засмеяться. Не удивительно, что во время ее правления унылый гарем превратился в центр красоты и просвещения, а саму ее стали признавать правители других государств. Султанша появляется на людях с открытым лицом, но несмотря на это пользуется уважением видных деятелей ислама как образцовая правоверная мусульманка.

Дворцовая гвардия боготворила «смешливую госпожу», которую никогда не видели без очаровательной улыбки на лице. Роксолана платила тем же. Она построила для янычар казармы-дворцы, увеличила жалованье и наделила новыми привилегиями. Когда Сулейман II, оставив управлять империей жену, отправился умирять мятежные народы Персии, он буквально выскреб казну.

Это не смутило хозяйственную супругу. Она распорядилась открыть в европейском квартале и в портовых районах Стамбула винные лавки, после чего в сокровищницу османских правителей потекла звонкая монета. Этого показалось мало, и Роксолана велела углубить бухту Золотой Рог и реконструировать причалы в Галате, куда в скором времени стали подходить не только легкие или средние, но и крупнотоннажные суда с товарами со всего мира. Торговые ряды столицы росли как грибы после дождя.

Полнилась и казна. Теперь у Хуррем-султан хватало денег и на то, чтобы возводить новые мечети, минареты, дома престарелых, лечебницы – много чего. Султан, вернувшийся из очередного победоносного похода (он не проиграл ни одной битвы!), не узнал даже свой дворец Топкапы, который перестраивался на средства, добытые предприимчивой женой.

Сулейман воевал, расширяя границы Османской империи, а Роксолана писала ему нежные письма. «Мой султан, – писала она, – какая безграничная и жгучая боль расставания. Спасай меня, несчастную, и не задерживай своих прекрасных писем. Пусть душа моя получит хоть каплю радости от твоих посланий. Когда нам их читают, твой слуга и сын Мехмед и твоя рабыня и дочка Мигрима плачут, тоскуя за тобой. Их слезы сводят меня с ума».

«Моя дорогая богиня, моя удивительная красота, – отвечал он, – госпожа моего сердца, мой самый яркий месяц, моих желаний глубинных спутница, моя единственная, ты мне милее всех красавиц мира!»

Султан Сулейман был суровым и довольно замкнутым человеком. Он любил книги, сочинял стихи, уделял много внимания войне и был равнодушен к разврату. И когда встретил свою Хуррем, то нашел в ней свою единственную избранницу. Но наследником престола по-прежнему официально считался Мустафа – старший сын первой жены падишаха.

Лисовская прекрасно понимала: пока ее сын не станет наследником престола или не сядет на трон падишахов, ее собственное положение постоянно находится под угрозой. В любой момент Сулейман мог увлечься новой красивой наложницей и сделать ее законной супругой, а какую-нибудь из старых жен приказать казнить. Но самое страшное, что по османской традиции султан не должен иметь братьев, то есть ее дети под угрозой! Роксолана очень долго готовилась к активным действиям и просчитала все.

Рустем-паша выполнил свое предназначение, ради которого и был выдвинут владычицей. Хуррем с зятем смогли убедить султана в том, что наследник престола Мустафа завязал тесные отношения с сербами и готовит заговор против отца. Интриганка хорошо знала, куда и как ударить – мифический «заговор» был вполне правдоподобен: на Востоке времен султанов кровавые дворцовые перевороты являлись самым обычным делом. К тому же Роксолана приводила как неопровержимый довод подлинные слова Рустем-паши, Мустафы и других «заговорщиков», которые слышала дочь Анастасии и султана. Поэтому зерна зла упали на благодатную почву крайней подозрительности деспота, неусыпно охранявшего свою власть...

Пророк запретил проливать кровь падишахов и их наследников, поэтому по приказу Сулеймана Мустафу, его братьев и внуков султана задушили шелковыми шнурками. Их мать сошла с ума от горя и вскоре умерла.

В оправдание Хуррем можно сказать только то, что если бы она не вела себя таким образом, с ней случилось бы то же, что она делала с другими. Возможно, с точки зрения нашей эпохи ее действия выглядят неприемлемыми, но в эпоху Роксоланы это был единственный способ выживания и самосохранения. К тому же кровожадность ее действий часто сильно преувеличивают. Во многих источниках гуляет легенда, что Хуррем убила 40 отпрысков султана, прокладывая сыну путь на трон. Но у Сулеймана было всего восемь сыновей-шехзаде, причем трое умерли своей смертью.

Однако Роксолана так и не увидела воплощения своей мечты – она скончалась ранее, чем взойшел на трон ее любимый сын Селим. Он царствовал всего восемь лет. И вопреки Корану любил «принять на грудь», поэтому и остался в истории под именем Селим Пьяница. К сожалению, его правление было неудачным для турок.

Возлюбленная Сулеймана умерла от простуды в 1558 году (по другим версиям, в 1561-м или 1563-м) и была погребена со всеми подобающими почестями. Сам великий султан Сулейман – в 1566 году. Он успел достроить величественную мечеть Сулейманийе – один из самых больших архитектурных памятников Османской империи, – возле которой покоится прах Роксоланы в восьмигранной каменной усыпальнице, рядом с такой же восьмигранной гробницей султана. Внутри под высоким куполом Сулейман велел высечь алебастровые розетки и украсить каждую из них бесценным изумрудом, любимым самоцветом Роксоланы. Когда умер Сулейман, его гробницу тоже украсили изумрудами, хотя его любимым камнем был рубин.

Профессор истории, автор работы о султанском гареме Лесли Пирс отмечает, что до Хуррем фаворитки султанов играли две роли – роль собственно фаворитки и роль матери наследника престола, и что эти роли никогда не совмещались. Родив сына, женщина переставала быть фавориткой, отправляясь вместе с ребенком в отдаленную провинцию, где наследник должен был воспитываться до того времени, как займет место отца. Хуррем же была первой женщиной, сумевшей одновременно играть обе роли, что вызывало огромное раздражение консервативно настроенного двора.

Когда ее сыновья достигли совершеннолетия, она не отправилась вслед за ними, а осталась в столице, лишь изредка навещая их. Именно этим во многом можно объяснить негативный ореол, который сформировался вокруг Хуррем. Кроме того, она нарушила еще один принцип османского двора, заключавшийся в том, что одна фаворитка султана должна иметь не более одного сына. Не в силах объяснить, как Хуррем смогла достичь столь высокого положения, современники приписывали ей колдовские способности. Этот образ коварной и властолюбивой женщины был перенесен и в западную историографию, хотя и подвергся некоторой трансформации.

Но что интересно, за время своего долгого, почти полувекового владычества (1520–1566), Сулейман Великолепный ни разу не направился в завоевательный поход на Украину.

Петр Опалински, польский посол при дворе Сулеймана в 1533 году, подтвердил, что «Роксолана умоляла султана запретить крымскому хану беспокоить польские земли», а именно этому государству принадлежали тогда украинские земли. Тесные дипломатические и дружеские контакты, установленные Хуррем-султан с королем Сигизмундом II, что подтверждается их сохранившейся перепиской, позволили не только не допустить новых набегов на территорию Украины, но и прерывали поток живого товара из тех земель.

Наверняка Роксолана сделала за свою жизнь много зла – она была расчетливой и умной женщиной, плотно погруженной в жизнь государства, которым правил ее муж. Но и добра она сделала немало. История помнит ее, потому что для Востока ее случай был уникальным.

Екатерина Медичи

Самая безжалостная правительница своего века, великая отравительница, Черная королева... Эпитетами, подобными этим, часто награждают Екатерину Медичи. Реальная Екатерина не похожа на этот портрет, написанный крупными мазками и исключительно темными красками. На протяжении многих лет она, как и любой смертный, непрерывно менялась, ведь ни о ком нельзя сказать, что он рожден стать Темным властелином или, в данном случае, Снежной королевой. Будучи амбициозным и волевым по натуре человеком, она не останавливалась, столкнувшись с сопротивлением, однако не пренебрегала и путем переговоров. За свою жизнь она многое сделала, но в памяти человечества осталась организатором Варфоломеевской ночи – ночи, которая стала последней для тысяч людей.

Любопытно, что, рассказывая о Екатерине, все невольно называют ее по девичьей фамилии, вроде как отдавая дань влиятельному и (тут не поспоришь!) коварному семейству. Медичи – род богатых флорентийских коммерсантов, представители которого были правителями Флоренции. Очень многие из них посвящали себя церковной карьере. Об истории их рода написаны целые тома, но, пожалуй, самым прославленным представителем Медичи стала дочь племянника Папы Льва X герцога Урбино Лоренцо Второго – Екатерина, которой суждено было выше всех в своей семье подняться по лестнице общественного успеха. Без малого тридцать лет правила она Францией – самой влиятельной в XVI веке страной в Европе.

Союз ее родителей был, по сути, союзом Франции и Флоренции – торжества прошли очень пышно, с размахом.

И 13 апреля 1519 года чета порадовала всех рождением дочери Екатерины, которой, по свидетельству летописца, они «были довольны так же, как если бы это был сын». Но, к сожалению, их радости не суждено было длиться долго: родители Екатерины умерли в первый же месяц ее жизни – мать на 15-й день после родов от горячки, а отец пережил супругу всего на шесть дней. Говорят, смерть наступила от затяжной болезни – то ли от туберкулеза, то ли от сифилиса: герцог не был склонен отказывать себе в удовольствиях. Новорожденная наследница герцогства Урбино и графства Овернь с младенчества осталась круглой сиротой, и семейство Медичи не погнушалось использовать девочку в качестве заложницы в борьбе за власть.

Заботы по воспитанию Катерины папа Лев X возложил на ее тетку, Клариче Строцци. Это было мудрое решение. Клариче приходилась сестрой безвременно скончавшемуся Лоренцо, и Лев X неоднократно заявлял, что для семейства Медичи было бы гораздо лучше, если бы Клариче родилась мужчиной, а Лоренцо – женщиной. В ней, достойной представительнице рода Медичи, соединились все качества, благодаря которым семейство достигло могущества и славы – мужество, сила воли, ум, обходительность. Лучшей воспитательницы для Катерины невозможно было найти. Передавая последнего отпрыска рода Медичи на воспитание Клариче – как говорили, «единственному мужчине в семье», Лев X сделал все возможное, дабы исправить роковую ошибку природы. К сожалению, следующий представитель семьи Медичи, занявший папский престол под именем Климента VII, делал все чтобы разрушить власть своей семьи во Флоренции. Свободолюбивые флорентийцы подняли восстание. Катерину укрыли в монастыре, пока ее кузен-Папа вел войска на приступ. Когда вокруг города сжалось кольцо осады, девочка стала объектом подозрений и ненависти горожан. Один член Синьории предложил выставить Катерину на городской стене в качестве мишени для вражеских пуль, другой – отправить ее в бордель. К счастью, такого не случилось, но еще несколько раз девочку пытались достать из монастыря. 30 июля 1530 года группа сенаторов попыталась забрать Катерину, и кто знает, как закончилась бы ее судьба,

если бы она не сохранила присутствие духа. Уже в 11 лет она способна была показать твердый характер. Глядя взрослым прямо в глаза, она спокойным и решительным тоном напоминала о неприкосновенности монастыря, заявив, что добровольно никогда не покинет его стены. Если сенаторы готовы применить силу против беззащитного ребенка, вырвав его из святого убежища и тем самым грубо поправ священные законы, то пусть они запятнают себя подобным святотатством. И сеньоры отступили.

Флоренция не смогла отстоять свою независимость – 12 августа 1530 года голод и чума вынудили Флоренцию к сдаче, но Катерина смогла отстоять свою жизнь. Она даже думала, что в тиши монастырских стен ей было бы надежнее и впредь. Но она была слишком ценной фигурой в политической игре Папы, чтобы тот позволил ей навсегда удалиться от мира. Итак, последовал приказ возвратиться в Рим.

Матримониальные планы, которые строил Папа Климент VII с момента ее рождения, стали приобретать более конкретные очертания. Вариантов, кому отдать высокородную девицу, было несколько, но Климент VII отверг все эти предложения после того, как в декабре 1530 года король Франции попросил ее руки для своего второго сына, Генриха, герцога Орлеанского. Приданое Катерины в размере 130 тысяч эку представлялось весьма скромным и было значительно меньше суммы, которую первоначально требовал Франциск I. Однако это компенсировалось обещанием Климента дать своей племяннице и, соответственно, ее будущему супругу, помимо Пармы, города Пизу, Ливорно, Реджо и Модену. Для представительницы итальянского клана торговцев и банкиров было большой удачей войти в семью правителя одного из самых влиятельных государств Европы. Пусть даже по матери она отпрыск рода Бурбонов, брак все равно был скандальный.

Девушка, имя которой теперь стало звучать как Екатерина, с первой встречи полюбила своего мужа. А вот его сердце полностью занимала другая. Диана де Пуатье была на 20 лет старше Генриха, хотя и писаной красавицей. Чем она так привлекла довольно мрачного, хотя и физически крепкого юношу, что тот всю жизнь любил ее одну, остается загадкой для потомков. А вот жена Генриха не привела в восторг – рыжая, низкорослая, худая, с глазами навывкате и толстыми губами – она ну никак не напоминала Диану. Но на избалованный роскошью французский двор Екатерина все же сумела произвести впечатление, обратившись к помощи одного из самых знаменитых флорентийских мастеров, который изготовил для юной невесты туфельки на высоком каблуке. Свадьба, состоявшаяся в Марселе 28 октября 1533 года, стала большим событием и отмечалась с размахом, всем раздавали подарки. Такого скопления высшего духовенства Европа не видела давно. На церемонии присутствовал сам Папа Климент VII в сопровождении многих кардиналов. Четырнадцатилетние молодожены покинули торжество в полночь – несмотря на юный возраст, Папа настоял на фактическом завершении их брака. После свадьбы последовали 34 дня непрерывных пиршеств и балов. На свадебном пиру итальянские повара познакомили французский двор с новым десертом из фруктов и льда – это было первое мороженое.

25 сентября 1534 года неожиданно умер Климент VII. Сменивший его Павел III расторг союз с Францией и отказался выплатить приданое Катерины. Политическая ценность Катерины внезапно улетучилась, ухудшив этим ее положение в незнакомой стране. Король Франциск жаловался, что «девочка приехала ко мне совершенно голой». И прежде незавидное положение Катерины стало совсем неприятным – весь двор презирал ее.

Екатерине, рожденной в купеческой Флоренции, где родители не были озабочены тем, чтобы дать своим отпрыскам разностороннее образование, было весьма трудно при утонченном французском дворе. Она чувствовала себя невеждой, не умевшей изящно строить фразы и допускавшей много ошибок в письмах. Нельзя забывать, что французский язык был для нее неродным, она говорила с акцентом и, хотя произносила слова достаточно ясно, придворные дамы презрительно делали вид, что плохо понимают ее. Екатерина была изолиро-

вана от общества и страдала от одиночества и неприязни со стороны французов, которые высокомерно называли ее «итальянкой» и «купчихой».

В 1536 году неожиданно умер восемнадцатилетний дофин Франциск, и муж Екатерины стал наследником французского престола. Теперь Екатерине предстояло заботиться о будущем трона. Смерть деверя положила начало домыслам о причастности флорентийки к его отравлению для восшествия «Екатерины-отравительницы» на французский престол. По официальной же версии, дофин умер от простуды, тем не менее придворный, итальянский граф Монтекуколи, подавший ему, разгоряченному азартной игрой, чашу с холодной водой, был казнен.

Положение осложнялось еще и тем, что ширились слухи о бесплодии Екатерины. Многие советовали королю аннулировать брак. Под давлением мужа, желавшего закрепить свое положение рождением наследника, Екатерина долго и тщетно лечилась у всевозможных магов и целителей с одной-единственной целью – забеременеть. Были использованы все возможные средства для удачного зачатия, в том числе питье мочи мула и ношение навоза коровы и оленьих рогов на нижней части живота. Десять лет у супругов не было детей. Официальная версия истории известна: якобы Генрих имел некоторую патологию, потом согласился на операцию и почти через одиннадцать лет напряженного ожидания дети посыпались будто из рога изобилия. Но эта версия довольно сомнительна – есть сведения, что в 1537 году у Генриха родился внебрачный ребенок.

Наконец 20 января 1544 года Екатерина родила сына. Мальчика назвали Франциском – в честь деда, правящего короля, тот даже прослезился от счастья, узнав об этом. Следует заметить, что ее отношения с тестем заметно улучшились на почве общего увлечения. Она покорила сердце короля своим страстным увлечением охотой. При этом Екатерина если и не придумала сама, то, по крайней мере, ввела во Франции моду на новый для женщин способ садиться на лошадь, что позволяло им участвовать в охоте наравне с мужчинами. Она скакала верхом, как амазонка.

После первой беременности у Екатерины, казалось, больше не было проблем с зачатием. Рождением еще нескольких наследников она упрочила свое положение при французском дворе. Однако все ее сыновья оказались ущербными – кто умственно, кто физически. Безвольные, они в то же время отличались коварством и мстительностью. Дочери не разочаровали – но и их королева не особенно любила. Она смотрела на них лишь с точки зрения выгодных династических союзов.

В 1556 году, при очередных родах, Екатерину спасли от смерти хирурги, обломав ножки одной из двойняшек, которая пролежала в утробе матери мертвой шесть часов. Впрочем, и второй девочке, суждено было прожить всего лишь шесть недель. В связи с этими родами, которые прошли очень сложно и едва не стали причиной смерти Екатерины, врачи посоветовали королевской чете больше не думать о рождении новых детей.

После этого совета Генрих прекратил посещать спальню своей супруги, проводя все свободное время со своей фавориткой Дианой де Пуатье. Это показало всем, что Диана полностью заняла место Екатерины, которая, в свою очередь, вынуждена была терпеть возлюбленную супруга. Ей, как настоящей Медичи, даже удалось превозмочь себя и, смирив гордость, расположить к себе влиятельную фаворитку мужа. Диана же была очень довольна, что Генрих женат на женщине, которая предпочитала ни во что не вмешиваться и закрывала на все глаза.

31 марта 1557 года умер Франциск I, и на престол взошел Генрих II. Екатерина стала королевой Франции. К моменту коронации Генриха Екатерине было под сорок. Это была уже зрелая дама, понимавшая толк в интригах двора, поэтому она сразу же приобрела союзников, но престол не увеличил ее власти. По-прежнему сердцем мужа управляла всемогущая Диана. Изредка Екатерина одерживала мелкие победы над своей соперницей: пыталась

ее скомпрометировать в глазах короля, подыскивала ей замену – все-таки фаворитке уже исполнилось шестьдесят лет, однако Медичи по-прежнему оставалась на задворках основной политической борьбы.

Надо сказать, что деятельная натура Екатерины проявилась в том, что королева собрала при дворе весь цвет европейского искусства. Она охотно покровительствовала признанным талантам и протезировала начинающим. Увлекалась она и астрологией. Один из астрологов и предсказал случайную смерть короля. Катрен Нострадамуса, в котором речь идет о гибели «старого льва» в поединке с «молодым», который «выколет ему глаза», позже получил славу как предсказание смерти Генриха II, причем сбывшееся еще при жизни Нострадамуса. Однако ни сам Нострадамус, ни его современники не связывали катрен с этим событием.

Смерть Генриха действительно была нелепой. 1 июля 1559 года он участвовал в рыцарском поединке с лейтенантом своей шотландской гвардии графом Габриэлем де Монтгомери. Раззадоренный молодой соперник нанес Генриху сильный удар по голове. Король защищался копьем, древко его не выдержало, расщепилось на несколько лучин, и одна из них влетела в правое глазное отверстие шлема. Через глаз Генриха дерево вошло в мозг, смертельно ранив монарха. Король был увезен в замок де Турнель, где из его лица были извлечены остальные обломки злополучного копья. Лучшие врачи королевства боролись за жизнь Генриха. Екатерина все время находилась у постели супруга, а Диана не появлялась, может быть, боясь приказания королевы отправиться вон навсегда. Время от времени Генрих даже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы диктовать письма и слушать музыку, но очень скоро он ослеп и потерял речь. 10 июля 1559 года Генрих II умер. С этого дня Екатерина выбрала своей эмблемой сломанное копье с надписью «*Lacrymae hinc, hinc dolor*» («От этого все мои слезы и боль моя») и до конца своих дней в знак траура носила черные одежды. Она первой выбрала траур черного цвета. До этого в средневековой Франции траур был связан с белым цветом.

Несмотря ни на что, Екатерина обожала мужа. «Я так сильно любила его...» – писала она дочери Елизавете после смерти Генриха. Екатерина Медичи в течение тридцати лет носила траур по своему супругу и вошла в историю Франции как «Черная королева».

Королем Франции стал ее старший сын – пятнадцатилетний Франциск II. Не стоит сомневаться, что его мать приняла живейшее участие в судьбе страны. Екатерина занималась государственными делами, принимала политические решения, осуществляла контроль над Королевским Советом. Однако все складывалось не так просто – ключевые посты в королевстве захватило семейство Гизов, которое совсем не расположено было уступать свои позиции. Страна была в хаосе, стояла на грани гражданской войны. И основная причина крылась в религиозных разногласиях. Королева призвала религиозных лидеров обеих сторон к диалогу, чтобы разрешить проблему их доктринальных различий. Несмотря на ее оптимизм, «Конференция в Пуасси» закончилась неудачей, распустив себя без разрешения королевы. Точка зрения Екатерины на религиозные проблемы была несколько наивной – королева никогда не была фанатичной и видела религиозный раскол лишь в политическом ракурсе. «Она недооценила силу религиозного убеждения, воображая, что все будет хорошо, если только она сможет склонить обе стороны к согласию» – так писал о ней один историк.

Однако королева-мать смогла обернуть ситуацию к выгоде для себя. Екатерина, выросшая в папском дворце, благоволила, конечно, к католикам, но влияние Гизов можно было уменьшить, только поддерживая протестантов. Она незамедлительно приняла тактику лавирования и натравливания одних на других. В атмосфере жесткой грызни она постепенно укрепляла свою власть.

Франциск II скончался в Орлеане незадолго до своего 17-летия от воспаления мозга, вызванного инфекцией в ухе. Детей у него не было, и на престол вступил его 10-летний брат

Карл IX. Он никогда не был в состоянии управлять самостоятельно и проявлял минимум интереса к государственным делам. Карл был склонен к истерикам, которые со временем стали переходить во вспышки ярости. Он страдал от одышки – признака туберкулеза, который в конце концов и свел его в могилу.

Двойственная политика Екатерины привела к тому, что она начала терять нити управления событиями. Решив выдать дочь Маргариту за протестанта, короля Генриха Наваррского, Екатерина думала, что таким образом она подтачивает силы своих злейших противников – Гизов. Однако, плетя интриги, она сама попала в ловушку, не заметив, как вниманием юного Карла завладел ярый гугенот Колиньи. Он с великой настойчивостью склонял мальчика объявить войну Испании, а главное, не побоялся открыто угрожать королеве. Этого Екатерина потерпеть не могла: во-первых, война внешняя как способ решить внутренние проблемы казалась ей великой глупостью, а, во-вторых, влиять на своего сына она предпочитала сама.

Она вызвала к себе Гизов и разрешила им обратить свои мечи против гугенотов, чего католики добивались уже давно. Через несколько дней после венчания Маргариты Валуа и Генриха Наваррского, в ночь святого Варфоломея, и произошла знаменитая кровавая резня. По-видимому, в глубине души Екатерина, как хитрый и коварный политик, надеялась, что вожди обоих лагерей перережут друг друга, но католики оказались сплоченнее.

Гвардейцы короля ворвались в спальню Колиньи, убили его и выбросили тело из окна. Раздавшийся одновременно с этим убийством звон колокола явился условным знаком к началу резни гугенотских лидеров, большинство из которых погибли в собственных кроватях. Свежеиспеченный католик Генрих Наваррский был поставлен перед выбором – между смертью, пожизненным заключением и переходом в католицизм. Он решил стать католиком, после чего ему предложили остаться в комнате для его же собственной безопасности. Все гугеноты внутри и вне Лувра были убиты, а те, кому удалось бежать на улицу, были застрелены ждавшими их королевскими стрелками. Парижская резня продолжалась почти неделю, распространившись по многим провинциям Франции, где беспорядочные убийства продолжались. По словам историка Жюль Мишле, «Варфоломеевская ночь была не ночью, а целым сезоном». В ночь с 23 на 24 августа 1572 года только в одном Париже погибло от 5 000 до 30 000 человек. 29 сентября, когда Генрих Бурбон встал на колени перед алтарем как добропорядочный католик, Екатерина повернулась к послам и засмеялась. С этого времени ведет свое начало «черная легенда» о Екатерине, злой итальянской королеве.

Гугенотские летописцы заклеили Екатерину как коварную итальянку, которая следовала совету Макиавелли «убить всех врагов одним ударом». Несмотря на обвинения современников в планировании резни, некоторые историки не вполне соглашались с этим. Тем не менее факт того, что королева-мать знала о готовящихся убийствах, практически неоспорим. Каковы бы ни были причины случившегося кровопролития, которое очень быстро вышло из-под контроля Екатерины и кого-либо еще, но гугенотам был нанесен сокрушительный удар, в результате которого они лишились многих из своих видных предводителей. Это событие стало «самой ужасной религиозной резней столетия», по всей Европе она «оставила в умах протестантов неизгладимый след и мнение, что католицизм был кровавой и предательской религией». После Варфоломеевской ночи около 200 тысяч гугенотов бежали в соседние государства. Но это событие дало королеве не только мрачную репутацию, но и некоторые политические дивиденды. Ее приветствовал король испанский, а папа Григорий XIII приказал иллюминировать Рим, выбил медаль в честь великого события и отправил поздравление «христианнейшему королю и его матери» в Париж.

Два года спустя, после кончины двадцатитрехлетнего Карла IX, Екатерина оказалась перед новым кризисом. Предсмертными словами умирающего сына Екатерины были: «О, моя мать...» За день до своей смерти он назначил мать регентшей, так как его брат –

наследник французского престола герцог Анжуйский – находился в Польше, став ее королем. В письме Генриху Екатерина написала: «Я разбита горем... Мое единственное утешение – это скорее увидеть Вас здесь, как требует того Ваше королевство, и в добром здравии, поскольку, если я и Вас потеряю, то заживо похороню себя вместе с Вами».

Генрих был любимым сыном Екатерины. В отличие от своих братьев, он занял престол в совершеннолетнем возрасте. Он был наиболее здоровым из всех, хотя также имел слабые легкие и страдал от постоянного утомления. Екатерина не могла контролировать Генриха так, как она это делала с Франциском и Карлом. Ее роль во время правления Генриха сводилась к роли государственного исполнителя и странствовавшего дипломата. Она путешествовала по королевству вдоль и поперек, укрепляя власть короля и препятствуя войне. В 1578 году Екатерина взяла на себя восстановление мира на юге страны. В возрасте пятидесяти девяти лет она предприняла восемнадцатимесячную поездку по югу Франции, встречаясь там с гугенотскими лидерами. Она перенесла катаральное воспаление и страдала ревматизмом, но ее главным беспокойством был Генрих. Когда у него случился нарыв в ухе – такой же, как тот, что убил Франциска II, Екатерина была вне себя от беспокойства. После того, как она услышала новость о его благополучном выздоровлении, она написала: «Я полагаю, что Бог сжалился надо мной. Видя мои страдания от потери моего мужа и детей, он не хотел окончательно сокрушить меня, отобрав и этого от меня... Эта ужасная боль отвратительна, поверьте мне, быть вдалеке от того, которого любишь так, как я люблю его, и зная о том, что он болен; это схоже со смертью на медленном огне».

Кроме Генриха у Медичи был еще один сын, Франсуа, но кроме проблем он ничего не принес ей. Франсуа составил заговор с целью завладеть тронem в то время, когда Генрих находился в Польше, и позже продолжал нарушать мир в королевстве, используя любую возможность. Последней, хотя и сомнительной со стратегической точки зрения попыткой реабилитироваться, была кампания в Нидерландах. Увы, но он потерпел сокрушительное поражение. Антверпен стал концem военной карьеры Франсуа. Екатерина Медичи в письме к нему писала: «...лучше тебе было умереть в юности. Тогда бы ты не стал причиной смерти стольких отважных благородных людей». Предыдущий удар настиг его, когда Елизавета I официально разорвала помолвку с ним – не то чтобы он любил королеву Англии, но очень рассчитывал на этот брак. 10 июня 1584 года Франсуа умер в Нидерландах. На следующий день после смерти сына Екатерина написала: «Я настолько несчастна, живя достаточно долго, видя, как много людей умирают раньше меня, хотя я понимаю, что желанию Бога нужно повиноваться, что Он владеет всем и то, что Он одалживает нам только до тех пор, пока Он любит детей, которых Он дает нам».

Смерть самого младшего сына Екатерины стала настоящим бедствием для ее династических планов. У Генриха III не было детей, и казалось маловероятным, что они у него (с такими постельными предпочтениями!) когда-нибудь появятся. Он даже не женился на Елизавете, что было чрезвычайно выгодно для Франции. Согласно закону, наследником французской короны стал бывший гугенот Генрих Бурбон, король Наваррский. Ни его, ни свою дочь Маргариту, которая меняла любовников просто с невероятной скоростью, Екатерина не любила. Дочь в письмах называла «мое несчастье» и «это существо». Интересно отметить, что из всех 10 детей Екатерины только Маргарита прожила достаточно долгую жизнь – 62 года.

Екатерина Медичи умерла 5 января 1589 года в возрасте шестидесяти девяти лет. Вскрытие трупа выявило ужасное общее состояние легких с гнойным нарывом в левой части. По мнению современных исследователей, возможной причиной смерти Екатерины Медичи был плеврит. «Те, кто был близок к ней, полагали, что жизнь ее была сокращена досадой из-за поступков ее сына» – считал один из летописцев. Спустя восемь месяцев после смерти Екатерины все, к чему она так стремилась и о чем мечтала при жизни, свелось к нулю:

религиозный фанатик, монах Жак Клеман, заколол ее столь любимого сына и последнего Валуа – Генриха III.

Жизнь жестоко обошлась с этой женщиной: сыновья, которых она так любила, умерли бездетными, род, о котором так заботилась, угас. Ее имя на века стало ассоциироваться с коварством и предательством. Но так ли уж была она плоха? Екатерина Медичи предпринимала отчаянные попытки удержать монархию и династию Валуа на троне любой ценой. Можно смело утверждать, что без Екатерины ее сыновья никогда не сохранили бы власть, поэтому и период их правления часто называют «годами Екатерины Медичи». Екатерине Медичи вменяют в вину амбициозность – как будто она не имела на это права! Ее современник, известный французский гуманист, мыслитель Жан Боден так написал о ее королевском правлении: «Если государь слаб и зол – то он создает тиранию, если жесток – организует бойню, если распущен – устроит бордель, если жаден – сдерет с подданных шкуру, если неукротим – высосет кровь и мозг. Но самая страшная опасность – интеллектуальная непригодность государя». Никто и никогда не сомневался в уме Екатерины. Но кроме политики и детей были в ее жизни и другие увлечения.

Она любила искусство и поддерживала талантливых мастеров. Она обладала живым умом и любознательностью, любила общество ученых, писателей, художников, коллекционеров. И сама она коллекционировала картины, предметы искусства, диковинные и всякого рода изящные вещицы, собирала географические карты, книги и манускрипты. В ее коллекции было 476 картин, главным образом портретов – в настоящее время они составляют часть собрания Лувра. Она знала латынь и более или менее древнегреческий и покровительствовала многим писателям своего времени. Также она была одним из «влиятельных людей в кулинарной истории». Ее банкеты во дворце Фонтенбло славились своим великолепием.

Но особенно Екатерина была сведущей в архитектуре: часовня Валуа в Сен-Дени, дополнение к замку Шенонсо... Она лично обсуждала план и художественное оформление дворца Тюильри. Популярность балета во Франции также связывают с Екатериной Медичи, принесшей этот вид сценического искусства из Италии. Несколько предметов одежды, созданных для нее, вроде женских панталон и корсета на шнуровке, на века стали предметом гардероба женщин. Даже как-то несправедливо, что эту женщину помнят только за яды, в которых она великолепно разбиралась. Одно роковое событие заслоняет и как бы перечеркивает сделанное Екатериной Медичи за десятилетия непосильных трудов – Варфоломеевская ночь, хотя слишком уж несправедливо вешать всех собак на нее одну.

Она просто не понимала, что люди зайдут настолько далеко из-за некоторых отличий в догматах. Но как бы то ни было, хорошо или плохо, но мы ее помним, ведь она одна из тех женщин, которые изменили ход истории для своей страны.

Елизавета Английская

В истории есть две знаменитые Девы – Орлеанская и Королева. «Королевой-девственницей» называли английскую королеву Елизавету I. Она – самая почитаемая королева и даже, наверное, – правитель Великобритании. Время правления Елизаветы иногда называют «золотым веком Англии» – как в связи с расцветом культуры, так и с возросшим значением Англии на мировой арене.

Родилась Елизавета в полдень 7 сентября 1533 года в покоях Гринвичского дворца. Говорят, что с первых дней ее появления на свет обстановка вокруг новорожденной была не слишком доброжелательной. Придворные шептались, что рождение дочери – Божья кара королю Генриху за разрыв с Римом. Кто-то невзлюбил принцессу и за то, что она – дочь Анны Болейн, «шлюхи Нэн», укравшей корону у законной королевы Екатерины Арагонской. Отец тоже был не в восторге: Генрих VIII надеялся, что Анна подарит ему долгожданных сыновей, ведь многолетний брак с Екатериной не дал Англии наследника мужского пола, и положение династии Тюдоров было весьма непрочным.

Однако торжества по случаю рождения принцессы были на редкость пышными. Крещение девочки прошло в том же Гринвиче 10 сентября: имя свое она получила в честь бабушки – матери Генриха VIII, Елизаветы Йоркской.

В декабре 1533 года девочке определили в качестве места жительства резиденцию Хэтфилд-хаус, небольшой дворец неподалеку от Лондона. Прежде Хэтфилд занимала дочь Екатерины – Мария, которую теперь отселили в дальний флигель, лишив всех почестей. Впоследствии «кровавая Мэри» не забудет этого, и, когда ее попросят представиться принцессе, Мария ответит: «В Англии только одна принцесса – я».

Родители довольно редко навещали свою дочь, хотя Анна Болейн и была привязана к дочери. Нельзя сказать, что Генрих не любил девочку. У нее был только один изъян – ее пол. А от королевы по-прежнему ждали сыновей. Иногда Елизавету привозили в Лондон, чтобы показать иностранным послам и наметить будущие выгодные браки. Когда девочке было семь месяцев, Генрих едва не сговорился о ее обручении с третьим сыном Франциска I. С этой целью малышку предъявили французским послам сперва в «роскошном королевском облачении», а затем голой, чтобы они убедились в отсутствии у невесты физических недостатков.

Во времена, когда больше младенцев умирало, чем выживало, Елизавета росла на удивление здоровой, румяной и не по годам сообразительной. Плакала она редко, зато прекрасно знала, как при помощи слез добиться у нянюшек желанного лакомства или игрушки. Конечно, «единственную» наследницу баловали и угождали всем ее желаниям. Во время дворцовых торжеств к малышке выстраивалась целая очередь пэров, которые складывали у ее ног подношения. Елизавета в сшитом, как на взрослую, парчовом платье благодарила каждого, изящно приседая на французский манер. Уже тогда она приучалась вести себя так, как подобает королеве.

Но нельзя сказать, что детство ее продлилось долго. Елизавете было два года и восемь месяцев, когда она лишилась матери – Анну Болейн казнили по обвинению в государственной измене. Она так и не родила Генриху сына и, как доказал скорый суд, «неоднократно изменяла своему супругу». Всем с самого начала было ясно, что Генрих решил избавиться от Анны, и доказательства «многократных измен» были явно фальсифицированными. А может и нет... Худенькая рыжая девочка мало напоминала Генриха VIII, зато была весьма похожа на мать, а также на ее предполагаемого любовника – придворного музыканта Марка Смитона. Король поспешил снова жениться, а Елизавету признал незаконнорожденной (как несколько лет назад он признал незаконнорожденной принцессу Марию):

оба предыдущих королевских брака теперь стали недействительными и не имели никаких юридических последствий.

Елизавета по-прежнему жила в Хэтфилде под надзором «начальницы нянь» леди Брайан и управляющего Джона Шелтона. Генрих сократил расходы на содержание дочери, но распорядился воспитывать ее по-королевски – ведь она оставалась выгодным товаром для иностранных женихов. Осенью 1536-го у нее появилась новая гувернантка Кэтрин Эшли, которая заботилась не только о воспитании девочки, но и об образовании, обучая ее читать и писать по-английски и на латыни. Долгое время Кэт заменяла принцессе мать, и позже Елизавета вспоминала: «Она провела подле меня долгие годы и прилагала все усилия к тому, чтобы обучить меня знаниям и привить представления о чести... Мы теснее связаны с теми, кто нас воспитывает, чем с нашими родителями, ибо родители, следуя зову природы, производят нас на свет, а воспитатели учат жить в нем». Елизавету научили всему – вести себя за столом, танцевать, молиться и рукодельничать. Уже в шесть лет она подарила маленькому братику Эдуарду батистовую рубашку собственного изготовления.

Вообще-то у Елизаветы не было особых причин любить сына Джейн Сеймур, который закрывал ей дорогу к трону. Правда, сама королева Джейн обращалась с девочкой ласково, но вскоре после рождения сына она умерла. Генрих женился еще три раза. С Анной Клевской он попросту развелся, а юную Кейт Говард повелел казнить за измену. Гибель молодой королевы потрясла девятилетнюю Елизавету едва ли не больше, чем смерть матери. Именно в этом возрасте у будущей королевы сформировалось стойкое неприятие брака. Шестая и последняя супруга отца Екатерина Парр твердо решила относиться к королевским отпрыскам, как к своим детям. Именно по ее просьбе Елизавета, Мария и Эдуард обосновались в королевском дворце. Старшая сестра ликовала – для нее это было приближением к желанной власти. А Елизавета тосковала по зеленым лугам и лесам Хэтфилда, по своей Кэт и по товарищу детских игр – Роберту Дадли, сыну одного из приближенных Генриха. Только с ним нелюдимая принцесса была откровенна и однажды сказала, что, насмотревшись на печальную участь отцовских жен, решила никогда не выходить замуж.

Елизавета очень рано начала проявлять свои природные способности – в десятилетнем возрасте она неплохо говорила по-гречески, по-итальянски и по-французски. Ее латынь была безупречна – на этом языке принцесса не только читала сочинения римских историков, но и писала пространные письма своей мачехе – Екатерине Парр. Ее таланты произвели впечатление даже на королевского антиквара Джона Лиланда.

Хотя Елизавета по-прежнему считалась незаконнорожденной, ее воспитанием занимались лучшие преподаватели Кембриджа. Это были молодые, свободомыслящие ученые, приверженцы Ренессанса. Со временем к Елизавете присоединился ее младший брат Эдуард. Именно в 1543–1547 годах в королевском семействе установилась относительно спокойная атмосфера – Генрих был вполне счастлив с Екатериной Парр, у него подрастал принц-наследник, а дочери смирились со своим положением «незаконнорожденных».

28 января 1547 года Елизавете, находившейся в Энфилде, сообщили, что ее отец скончался. В завещании короля говорилось, что престол он оставляет сыну Эдуарду. В случае смерти Эдуарда (при отсутствии наследников) его наследует Мария, затем ее дети, потом Елизавета и ее дети. Последним проявлением монаршей воли Генрих VIII «признал» своих дочерей и дал им надежду если не на корону Англии, то на достойный брак с принцем любой европейской страны. После смерти Генриха VIII в положении Елизаветы многое изменилось. Оставив дворец брату, она вместе с Марией переехала в особняк королевы в Челси, где вскоре появился новый хозяин – Екатерина Парр вышла замуж за адмирала Томаса Сеймура, родного дядю по матери Эдуарда VI. Однако Сеймур был крайне честолюбив – ему было мало близости клана Сеймуров к трону, ему хотелось большего. Существует версия, что Томас Сеймур желал со временем жениться на принцессе Елизавете, а пока она была

совсем юной, принялся за ней ухаживать. По утрам он врывался к Елизавете в спальню и принимался тормошить и щекотать юную принцессу, нимало не стесняясь присутствия служанок и верной Кэт. Екатерина Парр, видя такое поведение мужа, несмотря на почти материнскую любовь к своей падчерице, все же отослала ее в Хартфордшир, в поместье Чешант. Там Елизавета продолжила свои занятия с опытным учителем Роджером Эшамом. Обладавшего энциклопедическими знаниями Эшама Елизавета боготворила потом всю жизнь.

Но за два дня до пятнадцатилетия Елизаветы Екатерина Парр умерла от родов. По Лондону разнеслись слухи, что адмирал, амбиции которого продолжали расти, вот-вот посватается к Елизавете, и даже Кэт считала это хорошей идеей. Однако многие думали, что Сеймур уже соблазнил принцессу, и именно это ускорило смерть его супруги.

Между тем Елизавета все сильнее укреплялась в своем отвращении к браку. Этому способствовало поведение Сеймура, который теперь лицемерно лил слезы над гробом жены, прибрав к рукам ее немалое состояние. Адмирал не скрывал своих притязаний на власть, и Елизавета жила в постоянном страхе: она боялась, что он просто вынудит ее выйти за него замуж. Конец наступил в марте 1549-го – Томас Сеймур был арестован и спустя неделю казнен. Елизавету тоже допрашивали на предмет участия в заговоре, но быстро оправдали.

После смерти короля лорд-протектор Джон Дадли возвел на престол юную Джейн Грей – правнучку Генриха VII. В стране началась смута. В результате вооруженного конфликта между сторонниками Джейн I – «королевы девяти дней» – и приверженцами принцессы Марии победили последние. Елизавета предусмотрительно осталась в Хэтфилде – ее предупредил об опасности лорд Уильям Сесил, секретарь Совета. Время Елизаветы еще не пришло. На престоле оказалась ревностная католичка Мария I.

С первых же дней правления Мария принялась активно действовать – ее главной задачей стало возвращение Англии в лоно католической церкви. Большинство населения Англии оставались католиками, но узкая прослойка дворян-протестантов, выдвинувшихся при Генрихе и Эдуарде, имела непропорционально сильное влияние в обществе.

В январе 1554 года протестант Томас Уайетт поднял восстание в Кенте, чтобы не допустить заключения брака между Марией и Филиппом. Вероятно, настоящей целью заговорщиков была передача короны Елизавете, однако следователи Марии не смогли выбить из пленных мятежников каких-либо свидетельств против ее сестры. Мария заточила Елизавету в Тауэр, но по требованию Тайного Совета сохранила ей жизнь.

В Англии росло недовольство политикой королевы. Оно стало очевидным после того, как летом 1554 года в Лондон прибыл Филипп Испанский – будущий супруг Марии. В преддверии своей свадьбы королева освободила свою сестру из Тауэра. На ее решение повлияло то, что Томас Уайетт перед казнью поклялся, что «миледи Елизавета никогда не знала о заговоре...» Принцессу сослали в захолустный Вудсток. В тамошнем сыром климате ее стали донимать болезни: лицо покрылось фурункулами, внезапные приступы гнева сменялись слезами. Кое-как пережив зиму, она вернулась в столицу – Филипп Испанский, ставший мужем Марии, решил безопасности ради держать Елизавету поближе ко двору. Ее опасались, но вместе с тем она была единственной наследницей престола – брак Марии и Филиппа оказался бездетным.

Скоро Елизавета перебралась в любимый Хэтфилд, где вокруг нее стали собираться друзья – Кэт Эшли, казначей Перри, учитель Роджер Эшем. Все больше придворных и церковников приезжали сюда, покидая королевский дворец, где хозяйничали испанцы. К осени 1558-го, когда здоровье Марии резко ухудшилось, путь ее сестры к трону преграждали лишь два человека. Одним был Филипп Испанский. Другим – Реджинальд Поул, кардинал и архиепископ Кентерберийский, который был убежденным католиком и пользовался большим влиянием при дворе. Однако судьба продолжала хранить Елизавету: 16 ноября, когда

Мария испустила последний вздох, Филипп оказался в Испании, а кардинал Поул сам лежал при смерти.

В тот же день, ближе к полудню, в зале парламента Елизавета была провозглашена королевой Англии. Огромная толпа горожан, собравшаяся у мэрии, встретила это известие радостными криками. Елизавете было двадцать пять лет – по меркам XVI века, когда многие не доживали до пятидесяти, это был достаточно солидный возраст. Однако все отмечали, что королева выглядит гораздо моложе своих сверстниц. Помимо физической активности и умеренности в питании, этому способствовало и то, что королева не была изнурена многократными родами и выкидышами, как большинство женщин ее возраста. В общем, красавица, протестантка – народ был счастлив.

Первым делом новая королева прекратила казни и преследования протестантов. Потом пришлось срочно одалживать у лондонских банкиров деньги для уплаты долгов – королевская казна оказалась пуста. Главным делом была коронация – сложный ритуал, призванный напомнить подданным о величии британской монархии. В ее преддверии Елизавета обновляла государственный аппарат, в который вошли как приближенные Эдуарда, так и старые друзья принцессы, включая казначея Перри. Главным советником королевы был назначен Уильям Сесил, ставший вскоре государственным секретарем и лордом Берли. Этот энергичный и трудолюбивый чиновник обладал редкостным умением примирять интересы враждующих дворцовых партий.

В январе 1559 года отшумела пышная коронация: костюмированные шествия, военные парады, фейерверки. Поэты-самоучки читали стихи, где называли Елизавету «львицей Англии». От глаз придворных не укрылось, что рядом с виновницей торжества постоянно находился ее друг детства Роберт Дадли, ставший теперь главным конюшим. Елизавета, казалось, сознательно шокировала общество своим поведением. А верные люди доказывали ей, что молодой конюший ей не пара...

Но что бы ни творилось в личной жизни королевы, это никак не отражалось на ее политике. Сначала она занялась религиозными делами, продолжая дело своего отца. 25 января 1559 года открылся первый парламент Елизаветы. Королева не изгнала и не подвергла репрессиям никого из приверженцев покойной Марии. Своим «Актом о единообразии» она показала, что будет следовать курсу Реформации, начатому ее предшественниками Генрихом VIII и Эдуардом VI, но католикам в Англии не было запрещено служить мессу. Именно этот акт веротерпимости позволил королеве избежать гражданской войны.

А уже 10 февраля парламент обратился к королеве с призывом обеспечить английский трон наследником – ей было предписано выбрать себе супруга. Ни одна королева не правила Англией самостоятельно, даже Мария, все ждали, когда появится «настоящий» правитель. Список претендентов открывал Филипп II, некогда женатый на Марии I, затем шли эрцгерцоги Фредерик и Карл Габсбург, шведский кронпринц Эрик. Со временем к ним прибавятся герцог Анжуйский и даже царь Всея Руси Иоанн Васильевич Грозный – всем им Елизавета отказала.

Парламент продолжал настаивать на выборе жениха. Елизавета не намеревалась делить власть с мужчиной, но в 1559 году она не могла в открытую спорить с парламентом, поэтому дала уклончивый ответ. Место официального жениха Елизаветы занял Роберт Дадли, который вел себя как настоящий монарх. Оставалась одна преграда – его законная жена Эми Робсарт, но в сентябре 1560 года ее обнаружили мертвой у подножия лестницы. Ее муж с утра уехал на охоту вместе с королевой, предварительно отослав слуг.

Разыгрался громкий скандал. Многие были уверены, что королева и Роберт подослали к несчастной женщине убийц. Требовали судебного разбирательства и даже низвержения «рыжей шлюхи». Сановники во главе с Сесилом явились к Елизавете, фактически предъявив ей ультиматум – удалить Дадли от двора. Ей пришлось согласиться, и несостоявшийся жених

был отослан в провинцию. Смерть Эми оставила пятно на репутации королевы, хотя уже в XX веке исследования ученых помогли оправдать ее. Изучение останков миссис Дадли показало, что женщина упала с лестницы из-за приступа острой боли, вызванного, скорее всего, смещением дисков позвоночника.

На протяжении всего своего царствования Елизавета многократно заявляла, что их связь с Дадли была исключительно платонической. Так, в конце 1562 года, когда королева заболела оспой, то, назначив в случае своей смерти Роберта Дадли лордом-протектором королевства, она заявила придворным, что между нею и сэром Робертом «никогда не было ничего вульгарного». Даже в конце жизни Елизавета неуклонно твердила о своей девственности.

Некоторые историки предполагают, что из-за подорванного здоровья Елизавета была не способна к деторождению и именно поэтому отказывалась выходить замуж. Другие видят причину этого решения в подсознательном страхе перед замужеством, вызванном неудачными браками отца. Третьи принимают на веру версию самой Елизаветы, которая уверяла, что не хочет выходить замуж за одного мужчину, поскольку она «замужем за всей Англией». Возможно, королева на самом деле старалась не допустить к власти ни одного из британских и особенно иностранных соискателей ее руки. Она желала править сама, резонно считая, что делает это не хуже монархов-мужчин.

Тем не менее в истории существует один достаточно загадочный факт. В бумагах испанского министра Фрэнсиса Энгелфилда (долгие годы он являлся шпионом при английском дворе и в конечном итоге был выслан за пределы Англии) были найдены три письма, направленные им в 1587 году испанскому королю. В них сообщалось, что на борту корабля, пришедшего в Испанию из Франции, был арестован англичанин, которого заподозрили в шпионаже. Во время допроса он признался, что его имя Артур Дадли и что он является незаконным сыном Роберта Дадли и английской королевы Елизаветы I. По его словам, он родился в 1561–1562 гг., и сразу же после рождения Кэтрин Эшли (няня королевы, которая была рядом с нею на протяжении всей жизни) отдала его на воспитание в семью Роберта Саузерна. Личным учителем Артура стал Джон Смит, близкий друг Саузерна. До самой смерти Саузерна Артур считал себя его сыном. Однако на смертном одре Роберт Саузерн признался, что не являлся его отцом, и открыл ему тайну его рождения.

Косвенные доказательства данной версии действительно существуют. Среди них приводится, например, то, что во многих письмах иностранных послов, работавших при английском дворе, достаточно часто и регулярно встречаются упоминания, что приблизительно в 1561 году королева заболела «скорей всего, водянкой», ибо ее «невероятно раздуло, особенно в области живота». В сохранившихся письменных молитвах Елизаветы после 1562 года начинают появляться слова, которых до того времени никогда не было: она просит Бога простить ей ее грех (без какого бы то ни было указания на сам характер греха). Что имелось в виду – не известно, однако время появления данных слов совпадает со временем предположительного рождения Артура. В британском государственном архиве хранится завещание Роберта Саузерна, на котором в качестве свидетеля расписался Джон Смит. Значит, данные люди – совершенно реальные исторические личности, однако вопрос о личности Артура Дадли продолжает оставаться открытым.

Время бежало... Казалось, так недавно худенькая рыжая девочка бегала по хэтфилдскому парку вместе с Робом Дадли. Сейчас Дадли по-прежнему завидный жених, а она – сорокалетняя больная женщина, над которой за спиной потешаются дурочки-фрейлины. Ее рыжие кудри поредели, когда-то нежно-белая кожа покрылась красными пятнами. Королева обильно пудрилась, увешивала себя украшениями, придумывала еще более пышные фасоны платьев. За ней новую моду прилежно перенимали придворные, а потом и провинциальные щеголи. Не случайно именно тогда зародился великий английский театр – Шекс-

пир, Марло, Грин... В их пьесах кипели страсти, любовь побеждала смерть, и над всем царила тень великой королевы. Эдмунд Спенсер воспел ее в «Королеве фей» под именами божественной Глорианы и амазонки Бритомартис. Придворным тоже приходилось быть поэтами – чем старше делалась Елизавета, тем больше ей нравились пышные похвалы.

Уходили старые друзья, в том числе и Кэт Эшли, умершая в 1565 году. Вероломный Лестер посмел жениться и был отлучен от двора. Его сменили новые фавориты – юный граф Оксфордский Эдуард де Вир и адвокат Кристофер Хэттон, которого Елизавета ласково называла «барашком». Им обоим молва приписывала любовные отношения с королевой, хотя, скорее всего, дело ограничилось обычным флиртом. Любовь все чаще уступала политике, и место у трона занимали отважные авантюристы или ловкие шпионы. К числу последних принадлежал Фрэнсис Уолсингем, ставший в 1572 году государственным секретарем. Этот небогатый дворянин из Глостершира стал создателем английской секретной службы, эффективно раскрывавшей все заговоры врагов королевы.

В 1578 году объявился новый претендент на руку Елизаветы – брат французского короля, герцог Франциск Алансонский. Явившись в Лондон, он так галантно ухаживал за ней, что сердце Елизаветы растаяло. Она соглашалась на самые невероятные условия, например на объявление Франциска английским королем или на сохранение им католической веры. Казалось, что королева по-женски хваталась за последний шанс выйти замуж, предоставленный ей судьбой. А вот Алансон не спешил жениться: он прожил в Англии три года, выпрашивая у Елизаветы деньги на войну в Нидерландах. При этом галантный поклонник тратил казенные деньги не только на военные нужды, но и на услуги лондонских шлюх, одна из которых наградила его дурной болезнью. Состоялось бурное объяснение, и в феврале 1582-го герцог отплыл во Францию, чтобы спустя два года скончаться от дизентерии в военном лагере. Елизавета проводила его печальными стихами – ей казалось, что с ним уплывает последняя надежда на счастье.

Именно Елизавета вывела английский флот на первое место в мире. При ней братья Уильям и Джон Хокинсы начали свои торгово-пиратские рейды. В конце 1560-х возшла звезда Фрэнсиса Дрейка – корсара на службе Ее Величества. Тогда же наметилась причина будущих конфликтов с Испанией – английские мореходы регулярно грабили испанские судна, отправлявшиеся в Европу с богатой добычей из золота и серебра, и совершали набеги на побережья испанских колоний. В 1570-е годы развернулась странная, не объявленная ни одной из сторон война на морях.

Так Англия постепенно отвоевывала у Испании авторитет «главной морской державы». А Испания высаживала военные отряды в Ирландии для помощи местным католикам и готовилась к вторжению в саму Англию. Испанцы обладали мощным флотом, и Елизавета направила все средства казны на строительство новых кораблей. Она официально разрешила английским пиратам нападать на испанские корабли, плывущие из Америки с полными трюмами золота. На островах Карибского моря «джентльмены удачи» строили форты, над которыми развевался английский флаг – так закладывались основы великой колониальной империи. С легкой руки любимца Елизаветы Уолтера Рэли в Северной Америке в 1586 году была основана первая английская колония, названная Виргинией в честь королевы-девственницы.

Филипп II в марте 1587-го начал собирать в испанских портах громадную эскадру для похода на Англию. В состав Непобедимой армады входило около 130 кораблей, включая 27 больших галеонов, на борту которых размещалось 30 тысяч солдат и матросов. Англичане не смотрели на сбор испанских сил безучастно – уже через месяц отважный Дрейк устроил налет на Кадисскую бухту и уничтожил десятки кораблей будущей Армады и весь ее провиант. Однако приготовления шли своим чередом, и 12 июля 1588 года крупнейший в европейской истории парусный флот двинулся в путь.

В Англии ходили слухи, что враги собираются уничтожить все взрослое население страны, а младенцев передать на воспитание матерям-католичкам. Но англичане не замерли в ужасе – угроза вторжения, как не раз бывало в истории, вызвала у них мощный патриотический подъем. Во всех графствах собирались отряды ополчения. Добровольцев объединили в армию, которую возглавил граф Лестер. Елизавета лично инспектировала прибрежные форты, воодушевляя их защитников пылкими речами.

Испанцам удивительно не везло с погодой в их экспедиции. Так что собственно до столкновения они дошли, будучи уже существенно ослабленными. Морское Гравелинское сражение (1588 год) между британским и испанским флотами к северу от Кале закончилось поражением Непобедимой Армады. По случаю победы королева велела отчеканить медаль с латинской надписью «Adflavit Deus et dissipati sunt» («Дунул Бог – и они рассеялись»). Победа была омрачена утратой графа Лестера, умершего в сентябре от лихорадки. Королева искренне оплакивала «милого Робина» – на протяжении многих лет они ссорились и мирились, оставаясь при этом близкими людьми.

При дворе, казалось, все шло по-прежнему. Елизавета так же раздавала пощечины служанкам, изобретала новые наряды и кокетничала с молодыми фаворитами, которые рсточали ей комплименты. Однако за этим беззаботным фасадом скрывалась напряженная работа по поддержанию в исправности государственного механизма, кряхтящего от перегрузок. Придворные и иностранные послы, которые оставили о ней свои впечатления в мемуарах, видели Елизавету на балах и приемах, но редко допускались в кабинет, где она не менее четырех часов ежедневно трудилась над бумагами. Силы ее убывали, а требующих разрешения вопросов становилось все больше.

Самым вероятным кандидатом в наследники был сын Марии Стюарт, шотландский король Яков VI, и английские лорды принялись обхаживать его так же, как саму Елизавету, когда ей предстояло сменить на троне сестру. Это раздражало королеву, заставляя ее повторять: «Мертва, но еще не погребена». «Я пережила свое время», – говорила она с горечью.

В сентябре 1602 года королеве исполнилось 69 лет – возраст, до которого в то время доживали немногие. Она исхудала и с трудом стояла на ногах, но по привычке бодрилась – гуляла по Хэмптон-Кортскому парку. Во время рождественских праздников она простудилась и с тех пор уже не вставала: сидела в постели, опершись на подушки, и упорно отказывалась умирать. Доктора сумели остановить развитие болезни, но уже не могли вылечить состарившееся тело. Королева почти ничего не ела и не говорила, общаясь при помощи жестов. 21 марта она уже не могла шевельнуть рукой, и только тогда слуги решились раздеть ее и уложить в постель. Вечером 23 марта она уснула, а утром из ее покоев вышел капеллан Парри со словами «Все кончено».

Даже своей смертью Елизавета «принесла пользу» Англии. С ее уходом на трон взошли шотландские Стюарты, что привело к объединению двух государств. Как водится, легенды о «доброй королеве Бесс» далеки от правды – она могла быть и жестокой, и несправедливой. Верно одно: Елизавета всеми силами заботилась о величии своей страны и по праву стала Великой.

Маркиза де Помпадур – фаворитка на все времена

В списках расходов маркизы де Помпадур значилось: «Шестьсот ливров мадам Лебон, предсказавшей мадам де Помпадур, когда той было девять лет, что она однажды станет любовницей Людовика XV». Интересно, правда? Поверила или нет 9-летняя девочка в это предсказание, но она смогла воплотить его в жизнь. И долгие годы была не просто фавориткой короля, а значимым политическим лицом того времени. Ну ведь намного быстрее будет, если доносить суть дела, минуя приемные и секретарей, прямо в спальню правителя одной из мощнейших держав того времени.

Да только амбиции маркизы Помпадур простирались гораздо дальше королевской спальни – она хотела управлять всем государством. Некоторые историки впоследствии отдавали должное ее уму и способностям и даже называли «первой женщиной на посту премьер-министра Франции». Отголоски ее славы докатились до других стран и пережили века. Спустя столетие русский писатель Салтыков-Щедрин иронически назвал местечковых владык и их подруг «помпадурами и помпадуршами».

В истории осталось имя маркизы, но на самом деле при рождении она звалась иначе. Жанна-Антуанетта Пуассон происходила из семьи финансистов, фактически из третьего сословия (первое – духовенство, второе – дворянство), то есть родилась мещанкой. Отец ее, Франсуа Пуассон, выбился в интенданты и спекулировал потихоньку на черном рынке, но в 1725 году проворовался и бежал из Франции, оставив жену и детей на попечение дворянина-финансиста Ленормана де Турнема, которого молва называла настоящим отцом малютки. Мать крошки – красавица Луиза-Мадлен де Лямотт – не отличалась строгостью нравов. Именно де Турнем дал девочке, появившейся на свет в 1721 году, великолепное образование и всячески принимал участие в ее судьбе. И не зря...

Жанна явно была одарена незаурядными способностями: прекрасно рисовала, музицировала, обладала небольшим, но чистым голосом и настоящей страстью к стихам, которые великолепно декламировала. Окружающие неизменно выражали восторг, давая мадемуазель Пуассон необходимую уверенность в себе. Девочка получила образование, какое подобает будущей жене аристократа. И в 19 лет Жанна пошла под венец с племянником своего покровителя. И этот факт ставит под сомнение его отцовство – тогда, как и сейчас, с предубеждением относились к бракам с ближайшими родственниками. Жених был мал ростом и совершенно некрасив, но зато богат и страстно влюблен в невесту. Так девица Пуассон рассталась со своей незавидной фамилией (в переводе с французского означающей «рыба»), но если молодой д'Этиоль женился по любви, то мадемуазель Пуассон выходила замуж по расчету и с удовольствием стала владелицей имения Этиоль неподалеку от Парижа. Венчание состоялось в 1741 году в парижской церкви Святого Евстафия. Три года спустя у супругов родилась девочка, названная Александриной.

Красота и живой ум молодой мадам д'Этиоль сделали ее известной в столичном обществе – с ней искал знакомства сам Вольтер. Очень мало интересуясь своим мужем, она весело проводила время в обществе блестящей молодежи. Но, как за путеводную нить, держалась за то давнее предсказание – мечта о короле крепко засела в ее хорошенькой головке.

Всякое свое появление в будуарах многочисленных подруг, равно как и в гостиных высшего света, куда ей открыли дорогу имя и богатство мужа, Жанна использовала с выгодой. Слухи, сплетни, а порой и правдивая информация – все шло в копилку ее представлений о жизни короля и его двора.

Пожалуй, самое время обратиться к Его Величеству. Людовик XV родился 15 февраля 1710 года. В пять лет, после смерти прадеда, короля Людовика XIV, наследовал трон. Когда ему было девять, в Париж приехал российский император Петр для проведения переговоров

«о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за среднюю», Елизавету. Версаль не пришел в восторг от перспективы женить Людовика на дочери «портомойки» – происхождение жены русского императора Екатерины было хорошо известно. И брак не состоялся.

В 11 лет Людовику нашли подходящую невесту – Марию Лещинскую, дочь польского короля Станислава. Когда королю исполнилось 15, их поженили. Супруга была семью годами старше, по описанию – чрезвычайно набожна, скучна и непривлекательна. По некоторым данным, за первые 12 лет брака она родила Людовику десятерых детей. Королю, который все эти годы был примерным супругом, и политика, и экономик, и собственное семейство осточертели настолько, что он начал заниматься в основном тем, что доставляло ему истинное удовольствие, – изящными искусствами и не менее изящными женщинами.

К моменту встречи с Жанной Антуанеттой этому «красивейшему мужчине в своем королевстве», прозванному Людовиком Прекрасным, исполнилось 35 лет, и он был преисполнен физических сил и энергии, чувственен и сладострастен. При этом его называли человеком с «крайне сложным и загадочным характером» и «рано уставшим» королем, постоянным спутником которого была скука. О нем говорили, что его «скромность была качеством, которое превратилось у него в недостаток». А так как свободнее и веселее всего Людовик чувствовал себя в обществе женщин, то все считали его «похотливым грешником».

На тот момент король был занят герцогиней де Шатору. Но наша героиня не испугалась соперницы, а начала проявлять главные черты своего характера – настойчивость и целеустремленность. Она стала регулярно ездить в Сенарский лес, где имел обыкновение охотиться король, и постоянно попадаться Людовику на глаза в кокетливых туалетах: то в небесно-голубом платье и в розовом фазтоне, то во всем розовом и в небесно-голубой карете – в конце концов, ей посчастливилось быть замеченной им, тем более что король уже что-то слышал о «малютке Этиоль» и она возбудила его любопытство.

Однако фаворитка Людовика быстро положила конец притязаниям урожденной Жанны Пуассон, просто-напросто запретив ей показываться в местах охоты короля. И только когда мадам де Шатору внезапно скончалась от пневмонии, госпожа д'Этиоль восприняла это как сигнал к действию.

В ночь с 25 на 26 февраля 1745 года в Зеркальной галерее был дан Тисовый бал по случаю бракосочетания дофина с испанской принцессой Марией-Терезией. Жанне представилась возможность приблизиться к королю. Придворные надели костюмы тисовых деревьев, сам король явился в маске, Жанна приехала в костюме Дианы Охотницы. Символично, правда? Маска заинтриговала короля. По его просьбе незнакомка открыла лицо. Она явно намеренно уронила свой надушенный платок. Король тотчас бросился его поднимать, возвратил ей, и это было началом их любовной связи, которую они поддерживали через доверенного камердинера Людовика Бине.

Хотя внешность этой женщины, столь артистически одаренной, однозначно охарактеризовать вряд ли возможно.

Тут, как справедливо было замечено классиком, «все не то, что есть, а то, что кажется». Оттого так разнились описания будущей маркизы де Помпадур. Многие, конечно, зависело от отношения к ней. Один из недоброжелателей не находил в ней ничего особенного: «Она была блондинкой со слишком бледным лицом, несколько полновата и довольно плохо сложена, хотя и наделена грацией и талантами».

А вот обер-егермейстер лесов и парков Версаля мсье Леруа, описавший подругу короля как сущую красавицу, отмечал прекрасный цвет лица, густые пышные волосы с каштановым отливом, совершенной формы нос и рот, буквально «созданный для поцелуев». Особенно же восхищали его большие, непонятного цвета глаза, оставлявшие впечатление «какой-то смутной точки в мятущейся душе». Поэтично. И вполне совпадает с портретами Франсуа Буше, которому будущая маркиза оказывала неизменное покровительство.

Так или иначе, но ее «непонятного цвета глаза» оказались напротив королевских не только на бале-маскараде, но и на последовавшем за ним представлении итальянской комедии.

Вскоре госпожа д'Этиоль появилась в ложе, находившейся у сцены совсем рядом с ложей короля, и когда Людовик приказал подать ему ужин прямо в кабинет, весь двор не сомневался, что единственной его сотрапезницей будет «малютка Этиоль». Здесь же она отдалась ему, однако после этого свидания интерес Людовика к ней уменьшился. Король сказал Бине, что госпожа д'Этиоль ему очень понравилась, но ему показалось, что ею во многом двигало честолюбие и корыстный интерес. Камердинер же стал уверять короля, что Жанна без памяти влюблена в него, но она в отчаянье, так как разрывается между любовью к королю и долгом перед мужем, который полон подозрений и боготворит ее. Известно, что вначале Людовик не намеревался хоть сколько-нибудь продлевать эту связь. Но девушка была достаточно умна, чтобы не допустить такого. Она устроила настоящий спектакль для заинтересованного зрителя. Свою роль она играла с азартом отчаяния. Королю был предложен просто-таки мелодраматический сюжет: несчастная пробралась в дворцовые апартаменты, рискуя пасть от руки ревнивого мужа, только затем, чтобы взглянуть на обожаемого человека.

Госпожа д'Этиоль повела себя осторожнее и выступила в роли всего лишь очаровательной и добродетельной женщины, которую король хотел в ней видеть, и сумела убедить Людовика оставить ее в Версале. В ее распоряжение были предоставлены несколько комнат, расположенных прямо над королевскими покоями и соединенных с ними потайной лестницей. Ей также без особых трудов удалось убрать из Парижа своего супруга – в качестве компаньона дяди он был направлен его представителем в провинцию. Он искренне любил свою жену, и когда его дядя, генерал Ленорман, сообщил ему, что Жанна его покинула, то он лишился чувств, а придя в себя, пытался много раз свести счеты с жизнью. Отосланный королем из Парижа на хорошее место в провинции, он долго болел в Авиньоне, не в силах смириться с потерей жены.

Когда Людовик XV уезжал к своим войскам во Фландрию, Жанна не поехала с ним. Она поселилась в Этиоле и жила там очень замкнуто, занятая почти исключительно перепиской с королем. Мадам зачитывалась королевскими посланиями, многозначительно подписанными «Любящий и преданный». Осведомленная о мельчайших привычках и предпочтениях Людовика, она отвечала ему в легком, пикантном стиле. Читать ее письма и наводить в них окончательный блеск доверялось аббату де Берни, знатоку изящной словесности. И вот однажды ею была получена королевская депеша, адресованная маркизе де Помпадур – в письме были документы на этот титул. Жанна, наконец, получила дворянство, став наследницей хоть и угасшего, но старинного и почтенного рода.

14 сентября 1745 года новоиспеченную маркизу король представил приближенным как свою подругу. Можно удивляться, но наиболее лояльно отнеслась к ней... жена короля, привыкшая к тому времени буквально ко всему. Придворные же тихо негодовали. Со времен Габриэль д'Эстре, ставшей первой в истории Франции официальной фавориткой монарха – Генриха IV Наваррского, это почетное место занимала дама только из хорошей фамилии. Им же предлагалось любить и жаловать едва ли не плебейку. Маркизе тут же дали прозвище Гризетка с явным намеком на то, что в их глазах она мало чем отличается от особ, добывающих себе пропитание пошивом дешевой одежды и неоднозначными прогулками по вечерним парижским улицам.

Жанна понимала, что, пока король не будет целиком в ее власти, звание фаворитки вряд ли можно будет удержать надолго. А незаменимой для него она могла стать только в том случае, если бы сумела изменить само качество его жизни, избавить от меланхолии и скуки, ставших в последнее время постоянными спутниками Людовика.

О да, скука! Отличительная черта XVIII века во Франции, века смеха и игры. Скука царила всюду. Она царила с самых низших слоев общества, увеличивалась со ступенями положения и богатства, и полным ее воплощением, казалось, был сам король Людовик XV. Скука была единственная любовница, которой он был верен всю жизнь, скука была тот злой гений, послушный которому Людовик говорил: «После нас хоть потоп». А значит, Жанне предстояло сделаться эдакой версальской Шахерезадой.

Это превращение совершилось быстро. Маркиза де Помпадур сделала ставку на изящные искусства, столь любимые Людовиком. Теперь каждый вечер в ее гостиной король обнаруживал интересного гостя. Бушардон, Монтескье, Фрагонар, Буше, Ванлоо, Рамо, знаменитый естествоиспытатель Бюффон – вот далеко не полный список представителей художественной и интеллектуальной элиты, которые окружали маркизу. На особом счету был Вольтер. Жанна познакомилась с ним еще в юности и считала себя его ученицей.

Столь изысканное общество развлекало короля, открывая ему все новые и новые грани жизни. В свою очередь, гости маркизы – люди бесспорно талантливые – в глазах общества повышали свой социальный статус, обретая одновременно и материальную поддержку. С самого начала своего фавора маркиза почувствовала вкус к меценатству и не изменяла этому пристрастию всю жизнь.

В 1751 году свет увидел первый том французской Энциклопедии, или «Толкового словаря наук, искусства и ремесел», открывавший новую эпоху в познании и истолковании природы и общества. Автор идеи и главный редактор Энциклопедии Дени Дидро – убежденный противник абсолютизма и церковников – не стал для маркизы Помпадур врагом: она и ему помогала издаваться. При этом неоднократно старалась уберечь его от гонений, призывая Дидро быть осторожнее, но тщетно.

Знаменитый вольнодумец Жан-Жак Руссо был благодарен ей за помощь в постановке его «Сибирского прорицателя», где маркиза с большим успехом выступила в мужской роли.

Вообще театр – именно та сфера, которая оказалась бы для нее истинным призванием, повернись судьба иначе. В ней явно погибла большая разноплановая актриса – комедийная и драматическая. Плюс она прекрасно пела и танцевала, получая истинное удовольствие от этого. Страсть к преображению до неузнаваемости и созданию потрясающих туалетов, определивших стиль целой эпохи, бесконечные поиски и новации в области парикмахерского искусства и макияжа – во всем этом видится не только желание удержать непостоянного короля, но и насущная потребность богато одаренной натуры.

Во дворце Шуази маркиза основала «Театр Малых Покоев» – интимный театр для сорока зрителей. Строили этот театр по личному плану маркизы, расписывал его внутри ее любимый художник Буше. Входным билетом была небольшая карточка с изображением кокетливой Коломбины. Публику составляла почти всегда королевская семья во главе с Людовиком XV, родные и близкие маркизы. Сидя на простом стуле, король мог без соблюдения этикета смотреть представление.

В труппе были не профессиональные актеры, а придворные, добившиеся чести играть здесь. Руководила всем и первой актрисой была маркиза Помпадур. Репертуар театра тоже составляла сама маркиза. На открытии шла комедия Мольера «Тартюф», затем пьесы Вольтера, Руссо, Кребильона.

Нежная пастушка, страстная одалиска, гордая римлянка... Какой простор давала сцена для тонкого вкуса маркизы! Недаром после одного из спектаклей Людовик сказал ей: «Вы – самая очаровательная женщина Франции».

Король не должен скучать – вот цель маркизы. Поэтому во время постов, когда запрещены разные увеселения, она устраивает во дворце духовные концерты, где поет и сама. Когда она чувствует, что королю уже надоедают развлечения, она увлекает его в путеше-

ствия. Он посещает незнакомые для себя города своего королевства, принимает приветствия от своих подданных, никогда не выдавших его раньше.

Сильное влияние маркизы на Людовика, естественно, не могло нравиться придворным. Она пришла не из их круга, а из буржуазии. Все в ней, начиная с ее манер и кончая ее языком, шокировало строгий этикет двора. Дофин и дочери короля были против нее, королева была безмолвна. Но маркиза была честолюбива – она хотела влиять на всю политику Франции. И несмотря на протесты двора и на восстановленный против нее придворными кругами Париж, изливший всю злобу на нее в целом ряде песенок, называвшихся по ее девичьей фамилии «пуассонадами», маркиза твердо шла к своей цели.

Среди развлечений и путешествий она знакомится с делами королевства. Почтительно, но твердо ведет себя маркиза с королевской семьей, надменно – с придворными, уверенно – с иезуитами, терпеливо – с парламентом, с каждым днем становясь все опытнее и влиятельнее. Она делается негласной правительницей Франции. Иностранные державы ищут ее расположения. Через нее добивается императрица Мария-Терезия союза с Францией, который выльется в неудачную для Франции Семилетнюю войну.

При своем дворе маркиза вводит строгий этикет. В ее приемном покое только одно кресло – для нее, все пришедшие должны стоять. Под предлогом частого нездоровья она не вставала даже при принцах крови. В театре она сидела в королевской ложе, в капелле Версаля для нее было выстроено особое возвышение. Штат ее дома состоял из шестидесяти человек. Ее выездной лакей был из обедневшего, но старинного дворянского рода.

В своем величии маркизе хотелось как бы вычеркнуть свое скромное происхождение. Своего отца, господина Пуассона, маркиза превращает в пэра Франции, владельца поместья де Мареньи, своего брата – в маркиза де Ведриер, впоследствии маркиза де Мареньи.

Но главный предмет ее забот и честолюбивых замыслов – ее единственная и нежно любимая дочь Александра, похожая на мать характером и внешностью. Она воспитывалась в монастыре д'Ассомпсьон, где ее называли, как детей королевской крови, по имени – Александра. Ей маркиза готовила блестящую будущность. Но судьба разбила все мечты – в 10 лет дочь неожиданно умерла. Подозревали яд, месть иезуитов, с которыми маркиза была в конфликтах, но вскрытие ничего не обнаружило.

Яд маркиза предполагала всюду и много раз предостерегала против него короля. Сама она ничего не начинала есть первой. Даже близким своим маркиза не могла доверять. Ее родственница и лучшая подруга, мадам д'Эстрад, оказалась шпионкой при ней и любовницей ее врага, министра иностранных дел Аржансона.

В слабом и болезненном теле маркизы Помпадур жила безумная энергия. Казалось, ни одного часа своей жизни она не проводила в бездействии: выставки картин, беседы с архитекторами, художниками, обсуждение с Клероном театральных и прочих туалетов, работа над офортом, гравюрой или геммой...

Маркиза любила книги, и ее колоссальная библиотека служила ей не только для вида. Там были труды по истории, гражданскому праву, политической экономии, философии – в них она черпала знания для той роли, какую хотела занимать во Франции. Если маркиза не всегда была компетентна в каком-либо вопросе, она всегда знала достаточно, чтобы не казаться в нем невеждой. У нее было великолепное собрание книг по искусству, но больше всего – книг о любви. Романы испанских, итальянских, французских писателей, рыцарские романы, героические, исторические, моралистические, политические, сатирические, комические, фантастические... Читая, маркиза переживала тысячи жизней, уходя от не всегда приятной действительности.

Маркиза задалась целью создать французский фарфор, который был бы лучше саксонского. В 1756 году государственный фарфоровый завод из Венсена перевели в Севр. Здесь построили великолепные здания для художников и работников завода, их окружали прекрас-

ные сады, где били фонтаны. Очень быстро произведения Севра достигли необычайного качества и красоты – даже по сравнению с саксонским и китайским фарфором. Для распространения севрских изделий маркиза устроила их выставку в Версале, где сама их продавала. Торгуя, она расхваливает их так убедительно, что трудно было не купить.

Однажды во время прогулки в Севр маркизу пленил раскинувшийся перед ней пейзаж. Она стояла на очаровательном зеленом холме, откуда было видно Версаль, Сен-Клу и еще дальше Сен-Жермен, и решила построить здесь дворец. В первом дворе было два здания, – одно для конюшен, другое для театральных представлений. Второй двор окружен с трех сторон зданиями дворца, а с четвертой к нему примыкает сад с террасой, откуда открывается вид на Сену, Булонский лес, на зеленеющие острова и деревни. От террасы к Сене спускалась зеленая лестница из цветущих померанцев и лимонов, а в парке, под куполом из деревьев, высился бюст короля и маркизы.

В день первого приезда короля в Белль-Вю, в театре, отделанном в китайском стиле, был дан балет «Амур-архитектор», изящная шутка на тему постройки Белль-Вю. Вечером, после спектакля, маркиза повела короля в зимний сад. Горело много огней, тысячи цветов струили свой аромат. Король был удивлен, что маркиза по обыкновению не срывает для него цветов и решил это сделать сам. Но сорвать цветы оказалось нельзя, – они были из севрского фарфора, а в их чашечки налили соответствующие каждому цветку духи.

Маркизе ни одна из затей не казалась чересчур дорогой, и она, не задумываясь, покупала все, что ей хотелось бы видеть своим. Но дорожке всего стоила Франции вся плеяда архитекторов, художников, скульпторов и садовников, которых маркиза возила за собой в каждое свое владение, где они переделывали от начала до конца все по ее вкусу. Переделки стоили государству тридцать миллионов ливров. Маркизе хотелось, чтобы ни один из дворцов короля не был похож на другой и был ему по-новому интересен.

Жизнь маркизы Помпадур была не только «вечной битвой» с интригами врагов, но и «вечной битвой» с самой собой – со своей душой, со своим слабым болезненным телом, со своим холодным темпераментом. Вот как она писала об этом подруге: «Дорогая моя! Я боюсь потерять сердце короля, перестать быть ему приятной. Вы знаете, мужчины придают большое значение некоторым вещам, а у меня, к несчастью, очень холодный темперамент. Я решила применить к себе несколько возбуждающий режим, чтобы исправить этот недостаток, и вот в эти два дня этот эликсир мне помог или, по крайней мере, мне так показалось». Для возбуждения темперамента она пьет шоколад с большим количеством ванили, ест салат из сельдерея и трюфелей.

Измученная внутренней и внешней борьбой, развлечениями через силу, вечным страхом появления соперниц, она начала сдавать позиции – ее слабое здоровье пошатнулось. Первые измены короля она побеждала легко. Устранена и неожиданно умирает (есть подозрение, что ее отравили по приказу маркизы) обольстительная мадемуазель Шуазель-Романэ.

В поисках выхода она решилась на осуществление плана, заклеившего ее в веках. По ее инициативе возникает так называемый «Олений парк» – нечто вроде маленького гарема для короля. Кто их возлюбленный, девушки не знали – им намекали, что это польский принц, родственник королевы. С скромные необразованные девушки были не страшны маркизе. «Мне нужно его сердце», – говорила она о короле. Но вряд ли ей все еще нужна была его любовь – она давно предпочитала власть. Когда какая-нибудь из девушек беременела, ее увозили оттуда, родившегося ребенка обеспечивали, а мать с небольшим приданым выдавали замуж в провинцию.

Со спокойным сердцем и холодным умом стала маркиза Помпадур уже не возлюбленной, а другом и поверенной короля Людовика. Она покинула верхние интимные покои Версальского дворца и поселилась внизу, где до нее жили только принцы крови. И как бы объ-

явив всем о перемене своего положения, она поставила в парке Белль-Вю свою статую в виде богини Дружбы. Но теперь маркизе было важно иметь официальное положение при дворе, и король попросил королеву принять ее в свою свиту. Но даже кроткую Марию Лещинскую эта просьба возмутила. Не имея смелости прямо отказать королю, она говорила, что не может принять к себе женщину, бросившую своего мужа и за это осужденную церковь.

Тогда маркиза написала своему мужу, господину д'Этиолу письмо, полное раскаяния, где, сознавая все свои ошибки, всю свою вину перед ним, она умоляла простить ее и принять обратно к себе. Одновременно с этим письмом по тому же адресу отправился верный человек – сказать, что, если он не желает навлечь на себя неудовольствие короля, ему советуют отказать.

Муж маркизы давно примирился со своей судьбой и жил, развлекаясь вином и легкими любовными интрижками. На свое письмо маркиза получила от него вежливый ответ, где он писал, что от всего сердца прощает ей вину перед ним, но принять к себе не желает.

Получив долгожданный ответ, маркиза разразилась потоком жалоб. Она виновата, она раскаялась, и если муж ее теперь отталкивает, то только религия может ее утешить. Каждый день в часовне Версаля, но не наверху, не на своем почетном месте, а внизу, в толпе, и долго по окончании службы она стояла коленопреклоненная у алтаря. После долгого колебания и нерешительности иезуита отца де Сасси, после ее письма к Папе, она, наконец, получила прощение церкви. Марии Лещинской теперь ничего не оставалось, как только покориться воле короля.

«Государь! У меня один царь на небе, который дает мне силы переносить мое горе, и один король на земле, воле которого я всегда покорна», – сказала Мария королю, принимая новую даму в свою свиту.

Но из всех огорчений маркизы наибольшим оказалось то, что вместо славы Франции, с которой бы в веках было связано ее имя, ее вмешательство в дела государства принесло стране разорение и проигранные войны. Она, как и король, повторяла, смеясь: «После нас хоть потоп». Но на самом деле она очень заботилась о своем авторитете. Когда она увидела, что все ее мечты о славе разбились, она действительно оставила их. Близкий ей человек, ее министр Шуазель, говорил о ней: «Я боюсь, чтобы меланхолия не завладела ею всецело и она не умерла бы от горя». Как странно звучит это теперь: всемогущая маркиза Помпадур, умирающая от горя!

К 1760 году суммы, отпускаемые королевской казной на содержание маркизы, уменьшились в 8 раз. Она продавала драгоценности и играла в карты – обычно ей везло. Но лечение требовало огромных денег, и их пришлось взять в долг. Уже будучи тяжелобольной, она даже обзавелась любовником. Но что такое маркиз Шуазель по сравнению с королем!

По-прежнему всюду сопровождавшая Людовика маркиза в одной из поездок неожиданно потеряла сознание. Вскоре все поняли, что конец близок. И хотя право умирать в Версале имели только особы королевских кровей, Людовик приказал перенести ее в дворцовые апартаменты.

15 апреля 1764 года королевский хронист записал: «Маркиза де Помпадур, придворная дама королевы, умерла около 7 часов вечера в личных покоях короля в возрасте 43 лет». Когда похоронная процессия повернула по направлению к Парижу, Людовик, стоя на балконе дворца под проливным дождем, сказал: «Какую отвратительную погоду вы выбрали для последней прогулки, мадам!» За этой, казалось бы, совсем неуместной шуткой скрывалась истинная печаль.

Помпадур внесла неоценимый вклад в культурное наследие человечества. Бриллианты, огранка которых называется «маркиз» (овальные камни), своей формой напоминают рот фаворитки. Шампанское разливается либо в узкие бокалы-тюльпаны, либо в конусообразные бокалы, появившиеся в эпоху правления Людовика XV – именно такой формы была

грудь мадам де Помпадур. Маленькая сумочка ридикюль из мягкой кожи – тоже ее изобретение. Она ввела в моду высокие каблуки и высокие прически, потому что была маленького роста. Прекрасные нежные розы – ее любимый цветок – которые маркиза сажала, где только могла, со временем были названы «розами Помпадур».

Двадцать лет продержалась маркиза у трона, хотя ее положению часто грозили опасности. Она не была жизнерадостным человеком, хотя и желала казаться им. Она не была сладострастной, но запомнили ее как великую любовницу. Не надеясь на это, она все же оставила глубокий след в мировой истории, культуре и моде.

Екатерина Великая – настоящая императрица

Екатерина II вошла в историю России как императрица-просветительница. Она считается преемницей дела Петра Великого. История ее воцарения мелодраматична, а подробностей ее любовных отношений не знает только ленивый. Эта женщина попыталась совместить абсолютную власть со всеобщим благом, и независимо от результатов сама эта попытка достойна быть внесена в анналы мировой истории.

Родилась будущая императрица Екатерина, а тогда София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, 21 апреля (2 мая) 1729 года в семье прусского фельдмаршала и была по матери принцессой Голштейн-Готторпской. Семья герцога Цербстского была небогатой, но девочка получила хорошее домашнее образование – обучалась английскому, французскому и итальянскому языкам, танцам, музыке, основам истории, географии, богословия. Она росла резвой, любознательной, шаловливой и даже бедовой девчонкой, любила проказничать и щегольнуть своей отвагой перед мальчишками, с которыми запросто играла на улице.

Своим замужеством Екатерина была обязана императрице Елизавете, которая, не мудрствуя лукаво, решила поискать невесту для племянника в недрах собственной семьи. Подбирая суженую для своего наследника – великого князя Петра Федоровича (будущего императора Петра III), вспомнила о том, что на смертном одре мать завещала ей стать женой голштинского принца. Возможно, именно это обстоятельство склонило чашу весов в пользу Фредерики.

К смене места жительства и новому статусу девушка отнеслась со всей ответственностью. Сразу после приезда в Россию стала изучать русский язык, историю, православие, русские традиции, так как стремилась наиболее полно ознакомиться с Россией, которую воспринимала как новую родину. Желая как можно быстрее выучить русский, будущая императрица занималась по ночам, сидя у открытого окна и вдыхая морозный воздух. Вскоре она заболела воспалением легких – состояние ее было столь тяжелым, что мать, жившая при ней, предложила привести лютеранского пастора. София, однако, отказалась и послала за своим наставником – православным священником Симоном Тодорским. Это обстоятельство прибавило ей популярности при русском дворе. Затем София Фредерика Августа перешла из лютеранства в православие и получила имя Екатерины Алексеевны (то же имя и отчество, что и у матери Елизаветы – Екатерины I).

21 августа (1 сентября) 1745 года Екатерина была обвенчана с Петром Федоровичем, которому исполнилось 17 лет и который приходился ей троюродным братом. Масштабы катастрофы она оценила быстро. Шестнадцатилетней немецкой принцессе достался в законные супруги юноша, обожавший выпить, шумно после этого буянить и сквернословить, а больше всего на свете он любил играть в солдатиков. Худой, болезненный, с нездоровым цветом лица – он вел себя как ребенок и был жутко обижен, что его привезли в российскую дикость и глушь: «Затащили в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа».

Кроме этого молодому Петру Федоровичу явно не повезло с физиологической точки зрения – он был не в состоянии вступать в плотские отношения, и спасти ситуацию могла только операция интимного рода. Так что в первые годы совместной жизни Петр совершенно не интересовался женой, и супружеских отношений между ними не было. Сама Екатерина II утверждала, что если бы ей изначально повезло с мужем и он вел себя хоть сколько-нибудь умно, она была бы ему верна: «Если бы великий князь желал быть любимым, то относительно меня это вовсе не трудно, – я от природы была склонна и привычна к исполнению своих обязанностей».

Так как ее семейные будни больше напоминали трагикомедию, а с императрицей отношения у нее сложились неоднозначные, Екатерина направила энергию в максимально конструктивное на тот момент русло – продолжила заниматься самообразованием. Она читала книги по истории, философии, юриспруденции, сочинения Вольтера, Монтескье, Тацита, Бейля, большое количество другой литературы. Окружающих же в большинстве своем Екатерина смогла расположить к себе. Она обладала недюжинными дипломатическими способностями, умела всех внимательно выслушать или талантливо сделать вид, что слушает. Ей нужны были друзья, и в первую очередь – политические. Основными развлечениями для нее стали охота, верховая езда, танцы и маскарады. Так как отношения между супругами были какими угодно, только не супружескими, то здоровая и темпераментная женщина была, таким образом, просто обречена на адюльтер.

Наконец, после двух неудачных беременностей, 20 сентября (1 октября) 1754 года Екатерина родила сына Павла. Роды были тяжелыми, младенца сразу же отобрали у матери по воле царствовавшей императрицы Елизаветы Петровны, лишив Екатерину возможности воспитывать сына и позволяя только изредка видеть Павла.

Великая княгиня впервые увидела сына лишь через 40 дней после родов. Ряд источников утверждает, что истинным отцом Павла был любовник Екатерины С. В. Салтыков (прямого утверждения об этом в «Записках» Екатерины II нет, но они нередко так интерпретируются). Другие – что такие слухи лишены оснований и что Петру была сделана операция, устранившая дефект, делавший невозможным само проведение полового акта и, соответственно, зачатие. Вопрос отцовства волновал и общество. После рождения Павла отношения Екатерины с Петром и Елизаветой Петровной окончательно испортились. Петр звал свою супругу «запасной мадам» и открыто заводил любовниц, впрочем, не препятствуя делать это и Екатерине. В 1758 году Екатерина родила дочь Анну, что вызвало сильное недовольство Петра, произнесшего при известии о новой беременности: «Бог знает почему моя жена опять забеременела! Я совсем не уверен, от меня ли этот ребенок и должен ли я его принимать на свой счет». В общем, отношения между царственной четой даже словом «натянутые» уже нельзя описать. Было ясно, что вдвоем они на троне не уживутся... Начиная с 1756 года и особенно в период болезни Елизаветы Петровны Екатерина вынашивала план устранения будущего императора, и сторонников у нее, а значит, и помощников в осуществлении этого плана было в достатке.

Смерть Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 года (5 января 1762)) и восшествие на престол Петра Федоровича под именем Петра III еще больше отдалили супругов. Петр стал открыто жить с любовницей Елизаветой Воронцовой, поселив жену в другом конце Зимнего дворца.

Когда Екатерина забеременела от Орлова, это уже нельзя было объяснить случайным зачатием от мужа, так как интимное общение супругов прекратилось к тому времени совершенно. Разумеется, в эпоху корсетов и пышных фижм скрывать нежелательную беременность было несколько проще, чем сейчас. Поэтому пикантное положение, именуемое в ту пору «на сносях», оставалось для большинства любопытных приближенных незамеченным. Но вот как быть с родами? Русской императрице не пристало покидать покои дворца без ведома мужа, а утаить факт деторождения от проживавшего в этом же дворце императора Петра III было почти невозможно. На помощь Екатерине пришел верный человек: когда начались схватки, он просто-напросто поджег свой дом. На пожар в доме значительного придворного лица императору следовало явиться по этикету, к тому же он был большой охотник до зрелищ подобного рода. Словом, пока супруг глазел на суету пожарных и отблески пламени в ночи, Ее Императорское Величество благополучно родила. Так появился на свет Алексей Бобринский, которому его брат Павел I впоследствии присвоил графский титул.

Осуществить переворот сразу же после кончины императрицы принцесса не считала возможным, к тому же она была на истечении пятого месяца беременности. Вдобавок Екатерина имела политические резоны не торопить события – она желала привлечь на свою сторону как можно больше сторонников, справедливо полагая, что Петр достаточно скоро настроит против себя все столичное общество.

Вступив на трон, Петр III очень скоро осуществил ряд действий, вызвавших отрицательное отношение к нему как офицерского корпуса, так и простого народа. Так, он заключил невыгодный для России договор с Пруссией, хотя Россия как раз одержала ряд побед над ней в ходе Семилетней войны, и вернул ей захваченные русскими земли. Одновременно он намеревался в союзе с Пруссией выступить против Дании (союзницы России), чтобы вернуть отнятый ею у Голштейна Шлезвиг, причем сам хотел выступить в поход во главе гвардии. Петр объявил об отмене монастырского землевладения и делился с окружающими планами реформы церковных обрядов. В его политике все решения, казалось, принимались «от балды». Сторонники переворота обвиняли Петра III также в невежестве, нелюбви к России и полной неспособности к правлению.

На его фоне Екатерина смотрелась очень выгодно – умная, начитанная, благочестивая и доброжелательная супруга, подвергающаяся преследованиям мужа. У нее было время провести прекрасную пиар-акцию, восхвалявшую ее и всячески подчеркивавшую недостатки Петра. Будь император хоть немного дальновиднее, он наверняка увидел бы признаки заговора. Но у него «то гульба, то пальба», а у Екатерины – долгие службы в церквях, доброта и уважительное обхождение. Потихоньку ее авторитет при дворе и в народе рос. Намерение императора вывести гвардию из Петербурга и направить ее в непонятный и непопулярный датский поход послужило мощнейшим катализатором для заговора, возникшего в гвардии. Удар было решено приурочить к отправке войска, которая планировалась на июнь, так как император решил повременить с выступлением в поход, чтобы отпраздновать свои именины.

К тому же Петр III открыто говорил, что собирается развестись, чтобы жениться на Елизавете Воронцовой. Он грубо обращался с женой, а 30 апреля, во время торжественного обеда после заключения мира с Пруссией, случился скандал. Император в присутствии двора, дипломатов и иностранных принцев крикнул жене через весь стол *folle* (дура).

К маю 1762 года уже отовсюду шли доносы о заговоре, но Петр Федорович не понимал серьезности положения – жену он за разумного человека не считал. Утром 28 июня 1762 года, накануне Петрова дня, император Петр III со свитой отправился из Ораниенбаума, своей загородной резиденции, в Петергоф, где должен был состояться торжественный обед в честь тезоименитства императора. Екатерина поняла, что медлить нельзя, и в сопровождении Алексея и Григория Орловых прискакала в мужском костюме из Петергофа в столицу, где ей присягнули на верность гвардейские части, Сенат, Синод и население. Потом с войсками она направилась к супругу. В общем, организация была на высоте.

Действия же Петра показывают крайнюю степень растерянности. Отвергнув совет немедленно направиться в Кронштадт и повести борьбу, опираясь на флот и верную ему армию, размещенную в Восточной Пруссии, он собирался защищаться в Петергофе в игрушечной крепости, выстроенной для маневров, с помощью отряда голштинцев. Однако, узнав о приближении гвардии во главе с Екатериной, Петр бросил эту мысль и отплыл в Кронштадт со всем двором. Но Кронштадт к тому времени уже присягнул Екатерине.

После этого Петр совершенно пал духом и, заливаясь слезами, вернулся в Ораниенбаум, где и подписал отречение от престола. Потом был отправлен под арест в Ропшу и как-то очень быстро там скончался. Его смерть часто относят к деяниям рук Алексея Орлова, причем самым буквальным образом. Но подтверждение тому довольно сомнительное – копия письма, которое якобы написал Орлов, оригинала же никто не видел. К тому же Петр

и впрямь имел отвратительное здоровье и после такого стресса мог умереть от нескольких причин на выбор. По официальной версии, причиной смерти был приступ геморроидальных колик, усилившийся от продолжительного употребления алкоголя и сопровождавшийся поносом. При вскрытии (которое проводилось по приказу Екатерины) обнаружилось, что у Петра III была выраженная дисфункция сердца, воспаление кишечника, признаки апоплексии.

Тут хотелось бы добавить, что больше несчастливый император никого не беспокоил, но, к сожалению, это не так. Петр III является абсолютным рекордсменом по количеству самозванцев, пытавшихся заступить на место бесславно умершего царя. Во времена Пушкина ходили слухи о пяти, но по новейшим данным, в одной только России насчитывалось около сорока лже-Петров III, в том числе и наиболее известный Емельян Пугачев, будущий предводитель крестьянской войны.

После отречения мужа Екатерина Алексеевна вступила на престол как царствующая императрица под именем Екатерины II. Она тут же издала манифест, в котором основанием для смещения Петра указывались попытка изменить государственную религию и предательский мир с Пруссией. Для обоснования собственных прав на престол (а не наследника Павла) Екатерина ссылалась на «желание всех Наших верноподданных явное и нелицемерное». 22 сентября (3 октября) 1762 года она была коронована в Москве. Так охарактеризовал ее воцарение историк Ключевский: «Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца».

Царствование Екатерины Великой вызывает самые противоречивые оценки историков. Видимо, потому, что сама личность императрицы была очень противоречива, и многие моральные и ценностные установки, которые она провозглашала, мало уживались с ее непостоянным характером и поступками. Она старалась приспособиться ко всякой обстановке, в какую попадала, как бы она ни была ей противна. «Я, как Алкивиад, уживусь и в Спарте, и в Афинах», – говорила она, часто сравнивая себя с героями древности.

Императрица так сформулировала задачи, стоявшие перед российским монархом:

- Нужно просвещать нацию, которой должно управлять.
- Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.
- Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
- Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
- Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Звучит достойно, но воплощение, как обычно, оказалось не столь гладким. Правление Екатерины II (1762–1796), после смерти которой 6 ноября 1796 года на престол наконец-то вззошел ее сын Павел, было наполнено значительными и весьма противоречивыми событиями и процессами.

«Золотой век» русского дворянства был вместе с тем веком крестьянской войны под предводительством Пугачева, созыв Уложенной комиссии для систематизации законов соседствовал с гонениями и репрессиями. И все-таки Екатерина старалась проповедовать среди русского дворянства философию европейского Просвещения. В этом смысле ее правление нередко называют эпохой просвещенного абсолютизма – политики абсолютного монарха, направленной на достижение в государстве «общего блага». Так было в Пруссии (Фридрих II Великий), Австрии (Иосиф II) и ряде других стран. Историки спорят о том, чем был просвещенный абсолютизм – утопическим учением просветителей (Вольтер, Дидро) или реальным политическим феноменом. И эти споры небеспочвенны. Они отражают ключевое противоречие теории и практики просвещенного абсолютизма: между необходимостью радикально менять сложившийся порядок вещей (сословный строй, деспотизм, бесправие) и недопустимостью потрясений и нестабильности, а также невозможностью

ущемить ту социальную силу, на которой держится порядок – дворянство. Екатерина II, как никто другой, понимала трагическую непреодолимость этого противоречия: «Вы, – пеняла она французскому философу Д. Дидро, – пишете на бумаге, которая все стерпит, я же, бедная императрица, – на коже человеческой, столь чувствительной и болезненной».

Весьма показательна ее позиция в вопросе о крепостном крестьянстве. Нет сомнений в отрицательном отношении императрицы к крепостному праву. Она не раз задумывалась о способах его отмены. Но дальше осторожных размышлений дело не пошло. Екатерина II ясно осознавала, что ликвидация крепостничества с негодованием будет воспринята дворянами. Попытками преобразований в духе просвещенного абсолютизма были:

- созыв и деятельность Уложенной комиссии (1767–1768);
- реформа административно-территориального деления Российской империи;
- принятие «Жалованной грамоты городам», оформившей права и привилегии «третьего сословия» – горожан. Городское сословие делилось на шесть разрядов, получило ограниченные права самоуправления, избирало городского голову и членов городской Думы;
- принятие в 1775 году манифеста о свободе предпринимательства, согласно которому для открытия предприятия не требовалось разрешения правительственных органов;
- реформы 1782–1786 гг. в области образования. Конечно, эти преобразования имели ограниченный характер. Самодержавный принцип управления, крепостное право и сословный строй оставались незыблемыми. По указу 1765 года за открытое неповиновение помещик мог отправить крестьянина не только в ссылку, но и на каторгу. Другие ее действия, такие как ликвидация суверенной Польши или Запорожской Сечи, тоже вряд ли соответствовали идеям Просвещения, которых на словах она придерживалась.

Особую тему представляют взаимоотношения Екатерины и французских просветителей – Дидро, Вольтера и других. Общеизвестно, что она была с ними в постоянной переписке, а они высказывали о ней высокое мнение. Однако эти отношения носили характер очевидного «спонсорства» и пропаганды с одной стороны, и лести – с другой.

Екатерина принадлежала к немногочисленному числу монархов, которые интенсивно и непосредственно общались со своими подданными – прямо (путем составления манифестов, инструкций, законов, полемических статей) и косвенно (в виде сатирических сочинений, исторических драм и педагогических опусов). В своих мемуарах она признавалась: «Я не могу видеть чистого пера без того, чтобы не испытывать желания немедленно окунуть его в чернила».

Она обладала незаурядным талантом литератора, оставив после себя большое собрание сочинений – записки, переводы, либретто, басни, сказки, комедии, эссе. Она также участвовала в еженедельном сатирическом журнале «Всякая всячина», издававшемся с 1769 года. Императрица обратилась к журналистике с целью воздействия на общественное мнение, поэтому главной идеей журнала была критика человеческих пороков и слабостей, суеверия населения. Сама Екатерина называла журнал по-своему: «Сатира в улыбатальном духе», и вместе с тем ревниво относилась к негативным оценкам собственного творчества – судьбы литераторов Новикова, посаженного в крепость, и Радищева, приговоренного к смерти, а затем помилованного и сосланного, это отлично иллюстрируют.

При ней в Санкт-Петербурге появились Эрмитаж и Публичная библиотека. Она покровительствовала различным областям искусства – архитектуре, музыке, живописи. Нельзя не упомянуть и об инициированном Екатериной массовом заселении немецкими семьями различных регионов современной России, Украины, а также стран Прибалтики.

Однако многие историки указывают на односторонний характер такого покровительства со стороны Екатерины. Деньгами и наградами щедро одаривались в основном иностранные деятели, которые разносили за рубежом славу о Екатерине II. Особенно разителен контраст в отношении ее к отечественным художникам, скульпторам и литераторам. «Ека-

терина не оказывает им поддержки, – писал А. Труайя, – и проявляет к ним чувство, среднее между снисходительностью и презрением. Живя в России, Фальконе возмущался грубостью царицы по отношению к отличному художнику Лосенко: «Бедняга, униженный, без куска хлеба, хотел уехать из Санкт-Петербурга и приходил ко мне изливать свое горе». Путешествовавший по России Фортиа де Пилес удивлялся, что Ее Величество допускает, чтобы талантливый скульптор Шубин ютился в тесной каморке, не имея ни моделей, ни учеников, ни официальных заказов. За все свое царствование Екатерина сделала заказ или дала субсидии очень немногим русским художникам, зато не скупилась на закупки произведений иностранных авторов».

Впрочем, нельзя упрекать Екатерину в равнодушии к народу, которым она правила. В 1768 году была создана сеть городских школ, основанных на классно-урочной системе. Активно стали открываться ремесленные и прочие училища. При Екатерине началось системное развитие женского образования – в 1764 году были открыты Смольный институт благородных девиц и Воспитательное общество благородных девиц. Академия наук стала одной из ведущих в Европе научных баз. Были основаны обсерватория, физический кабинет, анатомический театр, ботанический сад, инструментальные мастерские, типография, библиотека, архив. В губерниях были приказы общественного призрения. В Москве и Петербурге – воспитательные дома для беспризорных детей, где они получали образование и воспитание. Для помощи вдовам была создана Вдовья казна.

Введено обязательное оспопрививание, причем сама Екатерина первой сделала такую прививку. Борьба с эпидемиями в России стала приобретать характер государственных мероприятий, непосредственно входивших в круг обязанностей императорского Совета и Сената. По указу Екатерины были созданы форпосты, размещенные не только на границах, но и на дорогах, ведущих в центр России. Был создан «Устав пограничных и портовых карантин».

Развивались новые для России направления медицины: были открыты больницы для лечения сифилиса, психиатрические больницы и приюты. Издан ряд фундаментальных трудов по вопросам медицины.

Политика Екатерины II характеризовалась поступательным, без резких колебаний, развитием. При ней образовалось 29 новых губерний, она издала указы о постройке 144 городов. К концу XVIII века в стране насчитывалось 1200 крупных предприятий (в 1767 году их было 663). Значительно увеличился экспорт российских товаров в другие европейские страны, в том числе через недавно созданные черноморские порты. Екатерина II учредила заемный банк и ввела в обращение бумажные деньги.

Перечислять можно еще долго. Эта женщина за свою жизнь сделала столько, что хватило бы на правление 3–4 более ленивых монархов. И хотя о ее судьбу еще не раз сломают копыта историки, еще долго будут реять знамена армий «за» и «против» – ее никто не забудет. Просто не сможет забыть, ведь эта женщина оказала невероятное влияние на многие земли. Может быть, ее решения кажутся нам, потомкам, не самыми лучшими (ужесточение положения крестьян, уничтожение Запорожской Сечи), а какие-то – и лицемерными, но было много и таких, которые отображали всю заботу Екатерины о ее стране и подданных.

Флоренс Найтингейл – первая медицинская сестра

Благодаря этой отчаянной аристократке изменилось отношение не только к сиделкам, благодаря ей родилась новая профессия – медицинская сестра.

В 1818 году 24-летний Уильям Найтингейл, выпускник Кембриджского университета, обладатель большого состояния, женился на Фрэнсис Смит, красивой и столь же богатой женщине. Молодожены решили провести медовый месяц за границей. Продлился он целых три года, причем большую часть времени супруги жили в солнечной Италии, успев обзавестись двумя очаровательными дочерьми. Старшую, появившуюся на свет в 1819 году близ Неаполя, назвали Парфенопой – в честь места ее рождения, греческого поселения, ныне вошедшего в городскую черту Неаполя. 12 мая 1820 года во Флоренции родилась их вторая дочь, по той же причине получившая имя Флоренс (так по-английски звучит название этого итальянского город а).

Отец Флоренс, желая дать дочерям хорошее образование, обучал их греческому, латинскому и немецкому языкам, а также истории, философии, математике и другим наукам. Парфенопа учиться не любила – в отличие от младшей, Флоренс, постигавшей науки с огромным желанием и интересом. Мать, со своей стороны, обучала дочерей правилам хорошего тона – всему тому, что должна была знать и уметь девушка, принадлежавшая к аристократической семье. Это увлекало Парфенопу, однако Флоренс не слишком интересовало искусство составления букетов или правила этикета, но она осваивала эту «премудрость», чтобы не огорчать матушку.

Найтингейлы много путешествовали. Флоренс очень нравился образ жизни, который вела ее семья. Однако каждый раз, отправляясь в коляске из отеля на очередной прием или концерт, она не могла не видеть на улицах бедняков, истощенных и одетых в лохмотья. Флоренс не скрывала удивления и огорчения от того, что встречала людей, жизнь которых так не похожа на ее собственную. В Швейцарии Флоренс познакомилась с Симоном де Сисмонди, известным историком и экономистом. В Париже она получила счастливую возможность познакомиться с Мэри Кларк, державшей свой салон. Та полюбила юную соотечественницу, обладавшую редким для молоденьких девушек даром находить общий язык с писателями, поэтами, учеными и вести с ними интеллектуальные беседы.

Наконец 19-летняя Флоренс устала от 18-месячного путешествия, переполненного великосветскими приемами и развлечениями. Расцветающая красота Флоренс, ее утонченные манеры и умение общаться убеждали ее мать в том, что очень скоро она составит себе превосходную партию, достойную девушки благородного происхождения. Но сама Флоренс вовсе не помышляла о замужестве, а все чаще задумывалась о своем предназначении.

Летом 1843 года во время благотворительного посещения больницы, входившего в «обязанности» леди из высшего общества, она вновь столкнулась с трагическим положением бедных людей – голодавших и страдавших от болезней. Этот случай дал Флоренс долгожданный ответ на мучивший ее вопрос: «Ухаживать за больными – вот то, чем я должна заниматься».

«Я хочу стать сиделкой», – решила Найтингейл. В те времена считалось немыслимым, чтобы женщина – особенно из высшего света – работала. Ей неизбежно предстояло столкнуться с недовольством родных и осуждением знакомых, и она это знала.

Вскоре заболели кузины и бабушка, и Флоренс с воодушевлением ухаживала за ними. Этот опыт оказался очень ценным для нее. Найтингейл поняла, что для полноценного ухода за больным сестра милосердия должна обладать профессиональными навыками и знаниями. Если так, то ей необходимо пройти подготовку – отправиться в городскую больницу в Солсбери и поучиться у профессиональных сиделок. Однажды, когда к Найтингейлам в гости

заехал директор больницы, друживший с ее отцом, Флоренс при всех рассказала ему о своем желании. Итог был печален: мать возмутилась, сестра закатила истерику, а отец не желал даже думать о том, что его дочь может стать сиделкой. Стоит ли говорить, что ни директор больницы, ни его жена также не поддерживали Флоренс.

Занималась Найтингейл по ночам, потому что не хотела приносить дополнительные огорчения родственникам. Она штудировала больничные отчеты, доклады о гигиене и заносила всю полезную информацию в записные книжки. Семья Найтингейл имела большие связи, и среди друзей отца было немало врачей, что облегчало добывание необходимых ей знаний.

Из собранных Флоренс материалов один документ служил для нее постоянным источником вдохновения. Это был ежегодный отчет школы дьяконис, присланный ей бароном фон Бунзенем. Школа находилась в германском городке Кайзерверте на Рейне. В ней занимались подготовкой дьяконис – женщины от 18 лет и старше проходили трехмесячный курс сестер милосердия, а затем три года занимались практикой в больницах или посещали больных на дому. Найтингейл очень захотелось самой отправиться туда на учебу, но она, опасаясь бурной реакции родных, не спешила сообщать им о своих намерениях.

В 1847 году девушке пришлось выдержать серьезное испытание. Ее руки попросил Ричард Милне, поэт и подававший надежды политик, с которым она познакомилась пять лет назад. С точки зрения матери, это была блестящая партия. Самой Флоренс Милне тоже очень нравился, но она, опасаясь, что семейная жизнь окажется препятствием для достижения ее цели, отклонила предложение Милнса. Вслед за этим у нее случился сильнейший нервный срыв.

Зная, что Флоренс переживает сложный период в жизни, ее парижская подруга Мэри Кларк посоветовала ей отправиться в путешествие с семьей Брейсбридж, постоянно колесившей по Европе.

Главным впечатлением этой поездки оказались не красоты Италии, а знакомство с Сидни Гербертом – аристократом, политиком и просто умным человеком. Герберт и Найтингейл сразу же понравились друг другу и на всю жизнь стали близкими друзьями. Дальше дружбы дело пойти не могло, поскольку Герберт накануне женился и проводил в «вечном городе» медовый месяц.

Планы нашей героини учиться в Германии наталкивались на сопротивление матери и сестры. Много страданий причиняли Флоренс и воспоминания о Милнсе. В 1849 году тот повторил свое предложение, но Найтингейл вновь ему отказала. Более того, она приняла решение никогда не выходить замуж, чтобы ничто не могло отвлекать ее от жизненного предназначения.

В 1851 году Найтингейл все же отправилась в Кайзерверт и в июле начала там учебу. Семья, скрывая правду, объявила, что Флоренс уехала лечиться на воды, – родные стеснялись сказать, что она проходит учебу, чтобы стать сестрой милосердия.

Курс обучения в школе дьяконис был преимущественно практическим и произвел глубокое впечатление на Найтингейл. Лекции по медицине и практическая подготовка с упором на комплексную медикаментозную и психологическую помощь впоследствии стали ядром разработанной ею системы подготовки сестер милосердия. Через три месяца Найтингейл возвратилась в Англию, где в соответствии со своим социальным положением должна была вернуться к светской жизни. Однако пребывание в Кайзерверте полностью изменило ее.

К счастью для Флоренс Найтингейл, отец поменял свое отношение к «причудам» дочери. Назначив ей 500 фунтов стерлингов годовой ренты, он позволил ей жить так, как она считала нужным.

Сидни Герберт, в 1852 году ставший военным министром, предложил Найтингейл место суперинтенданта при Клинике по уходу за больными леди на Харли-стрит в Лондоне.

На самом деле эти «леди» были домашними учительницами, жившими в богатых семьях и обучавшими хозяйских детей. Сама по себе должность гувернантки считалась незначительной, поэтому за обязанности гувернантки брались женщины в основном из малообеспеченных слоев общества. Но когда гувернантки заболевали, их помещали не в обычные больницы, а в «клиники для аристократок».

Летом 1853 года Найтингейл оставила свой дом и стала жить при клинике. Она ввела в ней целый ряд новшеств – лифты для доставки еды больным, звонки для вызова сиделок и тому подобное. Ее бурная деятельность получила одобрение местного начальства.

Осенью 1853 года вспыхнула Крымская война, ставшая поворотным моментом в жизни Найтингейл. Англия и Франция вмешались в борьбу России и Турции на стороне последней и весной 1854 года высадили свои десанты на Крымском полуострове. Началась многомесячная осада Севастополя. Англичане перебрасывали свои войска в Крым через Скутари – специально созданную военную базу в Турции. Там же был разбит полевой госпиталь для раненых солдат, эвакуированных из Крыма. Из-за недостатка медикаментов и эпидемий тифа и холеры положение в нем было катастрофическим. Узнав об этом, Найтингейл при поддержке Сидни Герберта собрала группу сестер милосердия из 38 человек и в сопровождении четы Брейсбридж, Мэри Кларк и экономки из дома своих родителей выехала в Турцию.

Возглавляемая Найтингейл группа, покинув Лондон 21 октября 1854 года, утром 4 ноября прибыла в Стамбул. На другом берегу пролива Босфор располагался город Скутари, где находился английский военный госпиталь.

Условия содержания раненых в нем оказались еще страшнее, чем сообщали газеты. Однако персонал госпиталя принял Найтингейл и ее девушек холодно. Под сомнение были поставлены их профессиональные качества и пол. Тогда у Найтингейл лопнуло терпение. Она написала Сидни Герберту письмо, в котором изложила ситуацию, и попросила его подтвердить, что она послана в Скутари правительством и занимает официальную должность. Вскоре после этого местное армейское командование получило из Лондона приказ «оказывать содействие Флоренс Найтингейл, являющейся руководителем группы сестер милосердия для армейских госпиталей».

Тем временем военные действия набирали обороты, и в госпиталь начало поступать огромное количество раненых. У врачей не было иного выхода, как только попросить Найтингейл и ее команду включиться в работу госпиталя. Сначала сестры милосердия должны были только приносить пищу раненым и заниматься шитьем и набивкой соломенных матрасов. Они купили котлы для стирки белья и бинтов, а также наняли 200 человек для ремонта и уборки ранее не использовавшихся помещений госпиталя. Позже Найтингейл удалось вызвать знаменитого лондонского шеф-повара Алексиса Сойера, принявшего готовит раненым вкусную и питательную пищу. Она договорилась о том, чтобы солдаты получили возможность отсылать семьям свое жалование, и даже организовала для них комнату-читальню.

Найтингейл работала день и ночь, иногда забывая про еду, и делала все возможное, чтобы помочь больным. В результате ее самоотверженных усилий раненые стали вести себя менее агрессивно и перестали осыпая сестер милосердия оскорблениями. Успокоившиеся солдаты называли Найтингейл «леди с лампой»: она каждую ночь со светильником в руке обходила больничные палаты. Через шесть месяцев после ее прибытия в Скутари смертность в этом госпитале снизилась с 42,7 до 2,2 на сотню пациентов.

Когда уход за больными в этом армейском госпитале улучшился, Найтингейл почувствовала необходимость перейти к следующему этапу своей миссии. Однако к тому времени она уже смертельно устала и чувствовала себя физически истощенной. Вскоре Найтингейл

серьезно заболела так называемой «крымской лихорадкой», и ее жизнь оказалась в опасности.

Новость о том, что Найтингейл заразилась опасной болезнью, достигла Британии, и многие люди были обеспокоены судьбой национальной героини. Был основан «Фонд Найтингейл», занимавшийся сбором средств на обучение и подготовку сестер милосердия. Удалось собрать 44 000 английских фунтов стерлингов, из них почти 9 000 были внесены солдатами: они отчисляли в фонд сумму, равную дневному жалованию. На Найтингейл легла новая ответственность – как эффективнее использовать полученные средства.

Когда Флоренс поправилась или, точнее сказать, частично поправилась, она стала работать в госпитальных бараках и еще дважды посещала Крым, чтобы улучшить положение в полевых госпиталях.

30 марта 1856 года Крымская война окончилась. Найтингейл осталась в госпитале после отъезда солдат и сестер милосердия, чтобы привести там все в порядок. Она отказалась принять участие в церемонии, на которой ее при возвращении на родину собирались чествовать как национальную героиню. Чтобы избежать торжественной встречи, Найтингейл вернулась в Англию под вымышленным именем. Ее переполняли противоречивые чувства: если бы раненые начали получать квалифицированный уход раньше, многие из них могли бы остаться в живых. Найтингейл поставила своей следующей задачей, казалось бы, невыполнимое – улучшить в целом санитарные условия в армейских госпиталях.

Вскоре до Найтингейл дошла хорошая новость. Королева Виктория через придворного врача Джеймса Кларка, который был и семейным врачом Найтингейлов, назначила ей встречу. Общественная деятельница срочно составила подробный отчет о состоянии санитарии и гигиены в английских госпиталях. По ее мнению, прежде чем проводить какие-либо санитарные реформы в армии, необходимо было создать комиссию для обследования реального состояния госпиталей. 21 сентября 1856 года Найтингейл встретила с королевой Викторией. После аудиенции, длившейся два часа, охваченная энтузиазмом Найтингейл сказала: «Мне хотелось бы видеть такого человека, как она, в военном министерстве».

На той же неделе они еще несколько раз обсуждали реформы в армии. После этого королева Виктория побеседовала с военным министром лордом Панмуром, предложив тому создать комиссию, о которой они говорили с Найтингейл.

Через две недели лорд Панмур встретился с Флоренс Найтингейл и пообещал ей, что под королевским наблюдением будет создана комиссия для проведения реформ. Однако военный министр, которого за глаза называли «бизоном», не спешил перейти от слов к делу, и Найтингейл начала беспокоиться. Весной 1857 года, не видя иного выхода, Найтингейл написала военному министру письмо, содержащее «последнее предупреждение»: «Если я в течение трех месяцев не получу четкого подтверждения тому, что реформы будут проведены, я расскажу публике обо всем, с чем мне пришлось столкнуться во время Крымской войны, и заодно изложу план реформ, которые необходимо провести внутри армии». После этого дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

Найтингейл жила тогда в старом лондонском отеле, поскольку после возвращения в Англию не захотела вернуться в отчий дом. Вся деятельность по созданию Королевской военно-медицинской комиссии проходила в одной из комнат этого отеля. После переговоров с лордом Панмуром и консервативно настроенными армейскими офицерами был определен ее состав. Комиссию возглавил Сидни Герберт, а ее членами стал целый ряд влиятельных людей, включая Джеймса Кларка, устроившего встречу Найтингейл с королевой Викторией, статистика Джона Сазерленда, председателя Гигиенического комитета во время Крымской войны, и других. Будучи женщиной, Найтингейл не могла быть членом Комиссии, но именно она написала ее отчет с целью убедить всех заинтересованных лиц поддержать необходимость реформ здравоохранения в армии.

Однако лорд Панмур отмахнулся от этого отчета. Он был зол на Найтингейл, посчитав, что она вмешивается не в свое дело. Министр полагал, что нет никакой необходимости затевать реформы в армии. Найтингейл, зная об упрямстве лорда Панмура, не теряла времени даром и постаралась нейтрализовать его действия. Она быстро выдвинула ряд идей, опиравшихся на отчет Комиссии, и написала несколько статей, которые должны были привлечь внимание широкой публики на важность обсуждаемых вопросов.

Предложения Флоренс включали в себя создание четырех подкомитетов в рамках Королевской военно-медицинской комиссии: по улучшению санитарных условий в военных госпиталях, по ведению статистической отчетности, по созданию школы военной медицины и по реорганизации гарнизонных госпиталей.

В 1858 году был официально опубликован отчет Комиссии. Парламентарии высоко оценили предложенные реформы здравоохранения в армии и сочли их проведение первоочередной задачей. Предложенные Найтингейл четыре подкомитета были созданы, и их работа постепенно начала приносить плоды – в течение всего трех лет смертность среди солдат сократилась наполовину.

Однако из-за борьбы с военными и чиновниками, а также тотальной занятости здоровье Флоренс значительно ухудшилось. Найтингейл постоянно мучили приступы депрессии – с матерью и сестрой отношения у нее были, мягко говоря, натянутые. Друзья заметили, что состояние Флоренс всегда резко ухудшалось, как только она узнавала, что мать и сестра собираются навестить ее! Она страдала от бессонницы и тахикардии. Более того, она не могла заставить себя есть и пила только черный чай. Найтингейл дошла до такого состояния, что многие ожидали, что она скоро умрет.

Несмотря на столь плачевное состояние, Флоренс умудрялась находить в себе силы, чтобы работать больше, чем любой здоровый человек. Она много писала и занималась научными исследованиями. Казалось, она использовала свою болезнь как возможность остаться одной, чтобы целиком посвятить себя любимой работе.

В начале 1858 года была опубликована брошюра Найтингейл «Заметки о госпиталях». В ней был обобщен ее опыт обследования работы английских и зарубежных больниц, а также описывалась ее деятельность в годы Крымской войны. Книжка начиналась фразой: «Самое первое необходимое требование: госпиталь не должен причинять вреда никому из больных». Работая над «Заметками», Найтингейл тщательно проанализировала информацию, которую ей помогал собирать доктор Уильям Фарр, статистик и член Королевской военно-медицинской комиссии. Этот анализ выявил высокий уровень смертности в госпиталях того времени, причем в основном не по медицинским, а по другим причинам.

«Заметки о госпиталях» пользовались большим спросом у читателей. Их не смущало обилие в книге цифр, таблиц и диаграмм. После выхода книги к Найтингейл как к специалисту обращались больницы многих стран Европы с просьбой о помощи или консультации.

Вскоре Найтингейл закончила «Заметки об уходе за больными». Они вышли в свет в 1859 году и вскоре были переведены на многие европейские языки. В них Найтингейл писала: «Уход – это приведение больного в наилучшее по возможности состояние с помощью лечения естественными средствами». Под словом «естественный» понимались природные ресурсы человеческого организма, помогающие справляться с болезнью. На основании собственного опыта Найтингейл пришла к неожиданному выводу, что чаще всего больные сильнее страдают от причин, не связанных непосредственно с самой болезнью. В своей книге Флоренс определяет уход за больным как «приведение пациента в оптимальное для него состояние с помощью свежего воздуха или солнечного света, тепла, молчания, гигиены, правильного питания, изменения настроения, безопасности и так далее».

«Заметки об уходе за больными» предназначались для обычных женщин, однако вскоре книга превратилась также в учебное пособие для сестер милосердия. Вскоре неуго-

нимая Найтингейл выпустила на основе «Заметок об уходе за больными» еще одну книгу, написанную более простым языком и называвшуюся «Заметки об уходе за больными для трудящихся классов». Так она надеялась распространить знания об уходе за больными во все слои общества.

«Фонд Найтингейл» позволил ей не ограничиться созданием научных и научно-популярных работ по санитарии, а перейти к практической деятельности – созданию первой в Англии Школы сестер милосердия. Она была открыта на базе госпиталя святого Фомы близ Лондонского моста через шесть месяцев после выхода в свет «Заметок по уходу за больными». Руководителем Школы стала Сара Уордروпер, старшая сестра госпиталя святого Фомы. Именно ее в свое время Найтингейл попросила отобрать сестер милосердия для работы в госпиталях во время Крымской войны.

Школа сестер милосердия Найтингейл закрылась лишь в 1996 году – после 136 лет успешной деятельности.

В июле 1860 года было отобрано 15 слушательниц, которым предстояло в течение года пройти курс подготовки. Все расходы по их обеспечению на время обучения взял на себя «Фонд Найтингейл». Обучение включало в себя не только учебный курс, но и наставления относительно поведения и внешнего вида сестры милосердия. Учеба была тяжелой, но студентки, желая оправдать ожидания Найтингейл, не жаловались.

Подкосило ее другое трагическое событие. Сразу после окончания Крымской войны Сидни Герберт начал страдать от неизлечимой болезни почек, и ему требовался полный покой. Однако Найтингейл возлагала на него большие надежды в борьбе за санитарную реформу, и Герберт по мере сил продолжал трудиться на посту военного министра и председателя Королевской военно-медицинской комиссии. Тяжелая болезнь заставила его покинуть пост члена парламента и оставить за собой только службу в военном ведомстве. Найтингейл глубоко уважала Герберта и ценила то, что он, несмотря на плохое состояние здоровья, продолжал работать. Однако 2 августа 1861 года Герберт скончался.

Найтингейл, узнав о его смерти, впала в глубокое отчаяние. Она не просто потеряла одного из самых близких друзей, но утратила нити, связывавшие ее с военным ведомством. Иными словами, теперь ее деятельность по реформированию военной медицины неизбежно должна была столкнуться с целым рядом проблем. Впрочем, Флоренс интересовало здоровье не только солдат. Борясь со своей болезнью, она считала, что здоровье является краеугольным камнем счастья для любого человека. Для нее подобные взгляды были тем более актуальны, что к началу 1860-х Найтингейл не могла передвигаться и с той поры почти не выходила из своей комнаты.

В 1864 году, когда Найтингейл работала, уже не вставая с постели, к ней обратился за советом бизнесмен Уильям Рэтбоун – этот богатый филантроп оказывал помощь больным беднякам, посылая к ним приходящих сиделок. На этот раз он обратился к ней с просьбой подобрать штат сестер милосердия для работы в ливерпульской лечебнице при работном доме. Школа сестер милосердия пользовалась хорошей репутацией, и спрос на ее выпускниц был очень высоким. Работные дома появились в Великобритании, чтобы дать средства к существованию тем беднякам, которые не могли самостоятельно заработать на жизнь – в этих домах они и работали, и жили. Многие из них являлись инвалидами или психически больными людьми. Там же содержались дети-сироты и дети, брошенные родителями.

Найтингейл без проволочек приступила к делу и после оформления необходимых документов послала в лечебницу при ливерпульском работном доме группу сестер милосердия. Она состояла из 12 выпускниц ее Школы во главе с Агнесой Джонс, любимой ученицей Найтингейл. Благодаря умелой работе этих квалифицированных сестер милосердия уровень ухода за больными в ливерпульском работном доме значительно возрос.

Эксперимент завершился успехом, и Найтингейл решила развернуть реформистское движение в более широком масштабе. На этот раз местом проведения больничных реформ должен был стать Лондон.

В конце 1864 года Найтингейл начала деятельность, направленную на реформирование медицинского обслуживания бедняков. Сдвинуть дело с мертвой точки было крайне трудно, но общественная деятельница вкладывала все силы в составление отчетов, выражающих ее точку зрения. Она считала, что реформы должны быть направлены не на «наблюдение» над бедняками или больными, но на то, чтобы помочь им жить полноценно. Ее усилия не пропали даром – в 1867 году был принят акт о реформе здравоохранения, заметно облегчивший положение бедноты.

Параллельно Флоренс участвовала в дискуссиях о плохих санитарных условиях в Индии, крупнейшей британской колонии. Как показали статистические данные, большая часть служивших там британских солдат погибала не от ран, а от различных болезней. После восстания сипаев, подавленного в 1859 году, Найтингейл всерьез задумалась над улучшением медицинского обслуживания британских солдат в Индии. Однако все ее обращения в правительство оставались без ответа, и тогда она написала книгу «Наблюдения», наметившую путь санитарной реформы в Индии. Это богато иллюстрированное издание предназначалось для широкой публики. Министерство торговли и промышленности отказалось финансировать столь дорогую книгу, так что Найтингейл пришлось из своих средств оплатить работу иллюстраторов и типографские расходы. Книга вышла большим тиражом и была разослана влиятельным общественным деятелям страны. Создав таким образом благоприятный фон, Найтингейл выпустила огромный двухтомный труд «Отчет индийской санитарной комиссии». Это исследование произвело большое впечатление: его часто цитировали в средствах массовой информации, благодаря чему широкая публика узнала о существовавших в Индии санитарных проблемах.

Титаническая работа привела к тому, что Найтингейл начала слабеть и перестала себя полностью контролировать эмоционально. К счастью, Джоуэтт, близкий друг Найтингейл, увидев ее критическое состояние, написал об этом ее матери. Флоренс смогла забыть все недоразумения и прийти в себя среди родных, проведя три месяца в поместье Ли Херст. Впоследствии, когда позволяла работа, она не раз еще приезжала туда. Проведенное в родительском доме время наполнило Найтингейл ощущением покоя и счастья, однако это не означало, что ее здоровье совсем поправилось.

Найтингейл получала много писем. Ее посещали сотни посетителей из разных стран, ее совета спрашивали женщины, желавшие стать сестрами милосердия. После 1868 года, когда премьер-министром стал Уильям Гладстон, ее общественная активность существенно снизилась.

Однако она не собиралась полностью уйти на покой. Ее друг Бенджамин Джоуэтт советовал ей сосредоточить свои усилия на литературном поприще. Следуя его совету, она написала три работы по теологии. Две из них были опубликованы в журнале и произвели сильное впечатление на читателей. Найтингейл принимала участие в редактировании книги Джоуэтта «Платон», а также помогала ему в подготовке книги «Библия для детей и школьников».

В начале 1874 года Найтингейл потеряла своего отца, которому было тогда 80 лет. Он умер внезапно, упав прямо на лестнице в своем доме. Через несколько недель Найтингейл получила еще одну печальную весть – умерла миссис Брейсбридж, подруга ее юности, на полтора года пережившая своего мужа. Найтингейл писала: «Мистер и миссис Брейсбридж были людьми, которые сформировали мою жизнь». После смерти отца возник ряд проблем с его завещанием, но усилиями дочери мать смогла остаться в поместье Ли Херст.

Последующие шесть лет Флоренс ухаживала за своей ослепшей матерью. В эти годы она чувствовала себя очень одинокой и записала в дневнике: «Самым трудным в моей жизни были не годы Крымской войны и не период, когда я работала по 22 часа в сутки, а эти 5 лет и 8 месяцев после смерти отца». В 1880 году, когда Найтингейл исполнилось 60 лет, умерла ее мать, через 10 лет – сестра.

В 1890 году к Найтингейл явились сотрудники компании Эдисона и сделали граммофонную запись ее голоса. «Новые люди» помнили о ней и хотели сохранить ее образ для потомков более емким и живым.

С 1896 года Найтингейл больше не вставала с постели, проведя в лежачем состоянии целых четырнадцать лет.

В 70 лет Флоренс начала терять зрение и к 80 годам ослепла полностью. Однако она продолжала работать с помощью секретаря, который читал ей книги и документы вслух, и принимала приходивших к ней за советом посетителей. Постепенно ей стала изменять память, и в 86 лет она окончательно прекратила какую-либо деятельность.

В 1907 году английская подвижница была награждена орденом «За заслуги», который вручил ей король Эдуард VII. Она стала первой женщиной, удостоенной этой награды. Впрочем, Флоренс находилась уже в таком состоянии, что ей было не до запоздалых наград.

13 августа 1910 года 90-летняя Флоренс Найтингейл умерла во сне в своей комнате. Предложение правительства об организации официальных похорон в Вестминстерском аббатстве было отклонено: в соответствии с последней волей Найтингейл, ее похоронили в ограде церкви святой Маргариты в Ист-Уиллоу, рядом с родителями и старшей сестрой. На похороны пришло множество людей с цветами, а на могильном камне, по желанию самой Найтингейл, была выбита короткая надпись: «Ф. Н. Родилась в 1820, умерла в 1910». Флоренс Найтингейл считала, что дела гораздо важнее любых титулов и слов.

Молодая знатная леди, ухаживающая за простыми солдатами! В XIX веке это казалось неслыханным вызовом устоям викторианского общества. Флоренс Найтингейл пришлось преодолеть недовольство родственников и враждебное отношение со стороны многих мужчин – медиков и военных. Однако эта удивительная женщина, проявив упорство, совершила настоящую революцию в медицинской службе. Пусть ее имя в основном на слуху у профессионалов, но ее усилия не только сохранили жизнь тысячам людей, но и изменили саму систему ухода за больными и ранеными, само понятие лечения и выхаживания пациентов. А самое главное – усилиями Найтингейл была создана новая благородная профессия. И с тех пор день рождения Флоренс – 12 мая – стал днем всех медицинских сестер планеты Земля.

Мария Кюри – подвижница от науки

Ни одна женщина-ученый не была так известна, как Мария Кюри. Она лауреат десятка премий и шестнадцати почетных медалей, почетный член 106 научных учреждений, академий и обществ. Она спасла миллионы людей, поставив им на службу свое открытие, но себя уберечь не смогла. Она собственноручно спасала солдат во время Первой мировой войны, добившись установки в госпиталях рентгеновского оборудования и объезжая на специальной машине – передвижном рентгене – один полевой госпиталь за другим. Она была любящей женой и матерью, но главным в ее жизни была Наука, и на ее алтарь она положила всю себя. Без остатка.

Мария Склодовская родилась 7 ноября 1867 года в Варшаве. В семье учителя Владислава Склодовского помимо Марии росли еще три дочери и сын. Семья жила трудно, мать долго и мучительно умирала от туберкулеза, отец выбивался из сил, чтобы лечить больную жену и кормить пятерых детей. Ему, вероятно, не слишком везло – на прибыльных местах он держался недолго. Сам он объяснял это тем, что не умел ладить с русским начальством гимназий. Действительно, в семье господствовал дух национализма, много говорилось об угнетении поляков. Дети росли под сильным влиянием патриотических идей, и у Марии на всю жизнь остался комплекс принадлежности к незаслуженно униженной нации.

Когда девочке исполнилось одиннадцать, умерли мать и старшая сестра. Однако замкнувшийся в себе и сразу резко постаревший отец сделал все, чтобы дети в полной мере радовались жизни. Один за другим они заканчивали гимназию – все с золотыми медалями. Не стала исключением и Маня. Еще школьницей она отличалась необычайным прилежанием и трудолюбием. Мария стремилась выполнить работу самым тщательным образом, не допуская неточностей, часто ради этого жертвуя сном и регулярностью питания. Она занималась настолько интенсивно, что, окончив школу, была вынуждена сделать перерыв – поправить здоровье.

Мария стремилась продолжить образование, однако в Российской империи, в состав которой в то время входила Польша, возможности женщин получить высшее научное образование были ограничены. Перебиваясь репетиторством, Мария поняла, что не такой жизни она хочет. Тогда сестры Склодовские – Мария и Бронислава – договорились по очереди получить высшее образование. Они бросили жребий – первой должна была учиться Броня. Поэтому Маня, работая несколько лет гувернанткой, высылала весь свой заработок сестре, пока она училась в медицинском институте в Париже. Затем в 1891 году, когда Бронислава доучилась и вышла замуж, Мария в возрасте 24 лет смогла поехать в Париж, в Сорбонну. Там она изучала химию и физику, а сестра помогала ей материально.

Живя в холодной мансарде Латинского квартала, Склодовская училась и работала чрезвычайно интенсивно, жалея время на нормальное питание (а чаще просто не имея на него денег). Мария стала одной из лучших студенток университета и получила два диплома – физика и математика. Ее трудолюбие и способности привлекли к ней внимание преподавателей, и ей была предоставлена возможность вести самостоятельные исследования.

Весной 1894 году в доме одного физика-эмигранта Мария Склодовская встретила Пьера Кюри. Пьер был руководителем лаборатории при Муниципальной школе промышленной физики и химии. К тому времени он провел важные исследования по физике кристаллов и зависимости магнитных свойств веществ от температуры – его именем даже был назван специальный термин «точка Кюри». Мария занималась исследованием намагниченности стали, и ее польский друг надеялся, что Пьер согласится предоставить ей возможность поработать у него в лаборатории. В реальности же все зашло гораздо дальше.

К двадцати семи годам Мария вряд ли питала иллюзии по поводу своей личной жизни – она сознательно выбрала в любовницы науку. Тем более чудесной представляется эта неожиданно пришедшая настоящая любовь. Пьеру к тому времени исполнилось 35, он давно ждал женщину, которая смогла бы понять его научные устремления. В среде людей гениальных, где так сильны амбиции, где отношения отягощены сложностями творческих натур, случай Пьера и Марии, создавших удивительно гармоничную пару, – редчайший, не имеющий аналогов.

В 1895 году Пьер и Мария стали супругами. Они вместе колесили на велосипедах по окрестностям Парижа, обедали в маленьких деревенских тавернах и снова возвращались к исследованиям. Мария пыталась стать хорошей женой. Она теперь бегала с утра за продуктами на рынок, научилась готовить, но не хотела бросать лабораторию. Поэтому вскоре после рождения первой дочери, Ирэн, начала работу над докторской диссертацией, и тему выбрала более чем верно.

В 1896 году Анри Беккерель обнаружил, что урановые соединения испускают глубоко проникающее излучение. Заинтересовавшись этим явлением (которое она впоследствии назвала радиоактивностью), Мария Кюри решила заняться его изучением. Прежде всего она попыталась установить, существуют ли другие вещества, кроме соединений урана, которые испускают открытые Беккерелем лучи. В процессе работы она пришла к выводу о том, что из известных элементов радиоактивны только уран, торий и их соединения. Однако вскоре исследовательница поняла, что урановая руда, известная как урановая смоляная обманка, испускает более сильное излучение Беккереля, чем соединения урана и тория, – по крайней мере в четыре раза более сильное, чем чистый уран. Это дало основание сделать предположение, что в урановой смоляной обманке содержится еще не открытый и очень радиоактивный элемент. Весной 1898 года она сообщила о своей гипотезе и о результатах экспериментов во Французской академии наук, а затем супруги Кюри попытались выделить новый элемент. В июле и декабре 1898 года Мария и Пьер Кюри объявили об открытии двух новых радиоактивных элементов, которые они назвали полонием (в честь Польши – родины Мари) и радием.

Но так как Кюри не выделили ни один из этих элементов, они не могли представить химикам решающего доказательства их существования. И тогда супруги Кюри приступили к весьма нелегкой задаче – экстрагированию двух новых элементов из урановой смоляной обманки, для чего им необходимо было переработать огромное количество руды. Четыре года Кюри жили затворниками и работали в арендованном сарае-развалюхе, в котором зимой было очень холодно, а летом жарко, сквозь щели в крыше лились потоки дождя. Четыре года они на свои средства, без всяких помощников и грантов, выделяли из руды радий. Мария взяла на себя роль чернорабочего. В то время, когда супруг занимался постановкой тонких опытов, она переливала жидкости из одного сосуда в другой, несколько часов подряд мешала кипящий материал в чугунном тазу. В эти годы она все хозяйственные заботы взяла на себя, так как Пьер был единственным кормильцем в семье и разрывался между опытами и лекциями в университете. Муж и отец, он очень переживал за жену и малышку и даже предлагал отложить исследования до лучших времен. Но Мария не согласилась и, приложив невероятные усилия, таки смогла выделить дециграмм белого блестящего порошка, с которым потом не расставалась всю жизнь (носила его запаянным в стекле как кулон на груди), а после смерти завещала Институту радия в Париже.

В сентябре 1902 года супруги Кюри объявили, что им удалось выделить одну десятую грамма хлорида радия из нескольких тонн урановой смоляной обманки (полоний выделить не удалось, поскольку он оказался продуктом распада радия). Признание и награды не заставили себя долго ждать – в июне 1903 года Мари представила в Сорбонне свою докторскую диссертацию, которая называлась «Исследования радиоактивных веществ», а в

декабре этого же года Шведская королевская академия наук присудила Нобелевскую премию по физике Беккерелю и супругам Кюри. Мария Кюри стала первой женщиной, удостоенной Нобелевской премии.

И супруги Кюри, и Анри Беккерель во время исследований отметили действие радия на человеческий организм (они получили ожоги, прежде чем поняли опасность обращения с радиоактивными веществами) и высказали предположение, что радий может быть использован для лечения опухолей. Терапевтическое значение радия было признано почти сразу, и цены на радиевые источники резко поднялись. Однако Кюри отказались патентовать экстракционный процесс и использовать результаты своих исследований в любых коммерческих целях. По их мнению, извлечение коммерческих выгод не соответствовало духу науки, идее свободного доступа к знанию. Наивное человечество верило, что нашлась легендарная панацея от всех недугов и хворей.

На этой волне внимания прессы и общественности дела супругов пошли намного лучше. В октябре 1904 года Пьер был назначен профессором физики в Сорбонне, а месяц спустя Мария стала официально именоваться заведующей его лабораторией. В декабре у них родилась вторая дочь, Ева, которая впоследствии стала концертирующей пианисткой и биографом своей матери. Но относительное благополучие длилось недолго – в апреле 1906 года Пьер Кюри погиб в результате нелепого несчастного случая прямо на парижской улице. Как она пережила эту трагедию – трудно себе представить. Нельзя без волнения читать строки дневника, написанные в первые дни после похорон. «...Пьер, мой Пьер, ты лежишь там, как бедняга раненый, с забинтованной головой, забывшись сном... Мы положили тебя в гроб в субботу утром, и я поддерживала твою голову, когда тебя переносили. Мы целовали твоё холодное лицо последним поцелуем. Я положила тебе в гроб несколько барвинок из нашего сада и маленький портрет той, кого ты звал «милой разумной студенткой» и так любил... Гроб заколочен, и я тебя не вижу. Я не допускаю накрыть его ужасной черной тряпкой. Я покрываю его цветами и сажусь рядом... Пьер спит в земле последним сном, это конец всему, всему, всему...»

Остается лишь удивляться, как смогла Мария найти в себе силы продолжать их общее дело, но, скорее всего, именно наука и дочери помогли женщине найти в себе силы жить. Мария с головой окунулась в работу – уже в мае 1906 года она начала читать лекции в Сорбонне на кафедре физики, которую прежде возглавлял ее муж. Мадам Кюри стала первой женщиной – преподавателем Сорбонны.

Что касается научных исследований, то Мария Кюри сосредоточила свои усилия на выделении чистого металлического радия. В 1910 году ей наконец удалось (в сотрудничестве с Андре Дебирном) получить это вещество и тем самым завершить цикл исследований, начатый 12 лет назад, и раз и навсегда доказать, что радий является химическим элементом. Кюри разработала метод измерения радиоактивных эманаций и изготовила для Международного бюро мер и весов первый международный эталон радия – чистый образец хлорида радия, с которым надлежало сравнивать все остальные источники.

В конце 1910 года кандидатура Марии Кюри по настоянию ряда французских ученых была выдвинута на выборах во Французскую академию наук. Первая женщина за всю историю этой организации! Какие горячие дебаты по этому поводу велись между членами этого консервативного сообщества... После нескольких месяцев полемики кандидатура Марии Кюри была отвергнута на выборах с перевесом всего в два голоса. И это при том, что прочий мир ей рукоплескал!

А через полгода Шведская королевская академия наук присудила Марии Кюри вторую Нобелевскую премию по химии «За выдающиеся заслуги в развитии химии: открытие элементов радия и полония, выделение радия и изучение природы и соединений этого замечательного элемента».

Незадолго до начала Первой мировой войны Парижский университет и Пастеровский институт основали для исследований радиоактивности Институт радия. Склодовская-Кюри была назначена директором отделения фундаментальных исследований и медицинского применения радиоактивности. Сразу после начала активных боевых действий на фронтах Первой мировой войны Мария Склодовская-Кюри, директор Службы радиологии Красного Креста, занялась оборудованием и обслуживанием рентгеновских переносных аппаратов для просвечивания раненых, привлекая для этого поддержку правительства, пожертвования производителей и обеспеченных знакомых, обучая и направляя работу многочисленных волонтеров. Мария Кюри также вложила в военные займы почти все личные средства от обеих Нобелевских премий. Передвижные рентгеновские пункты, приводившиеся в действие присоединенной к автомобильному мотору динамомашиной, объезжали госпитали, помогая хирургам проводить операции, – на фронте эти пункты прозвали «маленькими Кюри». Мария обучала военных медиков, как с помощью применения рентгеновских лучей обнаруживать, например, шрапнельные пули в теле раненого. В прифронтовой зоне Кюри помогала создавать радиологические установки, снабжать пункты первой помощи переносными рентгеновскими аппаратами. Накопленный опыт она обобщила в монографии «Радиология и война», вышедшей в 1920 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.